

СЕРГЕЙ ПАХОМОВ

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ДОРОГИ

Книга вторая

НА СКЛОНЕ ВОД

УДК 821.161.1-1 Пахомов

ББК 84(2Рос=Рус)

П 21

Пахомов Сергей. По обе стороны дороги: Стихи. В двух томах. Книга вторая: На склоне вод. – Вологда, 2014. – 202 с. 16+

Водопроводная вода,
Чистопородные пруды...
Я исчезаю, как звезда.
Я заметаюсь, как следы.

Сторожевые голоса
На обескровленном лугу...
Я испаряюсь, как роса,
И, задыхаясь на бегу,

Я истончаюсь, словно тень,
Проистекаю, будто мёд,
И распускаюсь, как ремень
Судьбой расставленных тенёт.

Я умираю не всерьёз,
И воскресая иногда,
Я изгибаюсь, как вопрос,
Я исчезаю, как звезда.

Ты увлекла меня во мрак,
Ты нож мне выпростала в спину,
Увядшей тенью розмарина
Я остутился в буерак.

Я догорел, как бересклет,
Я истончил земные крылья...
Одно посильное усилие –
Я покидаю белый свет.

Без искажённых полуфраз,
Нравоучительного гнева...
Я содрогнусь, как твой оргазм...
Как... ветви рухнувшего древа.

Здесь всё по-чужому, всё по-иному,
Сосед выгоняет собаку из дому,
Гуляет по улице взад и вперед
Учёный, на шее с верёвкой, кот.
Здесь в школе решают дурные примеры.
Мне в Господа веры не хватит полмеры,
Воруют кадеты, воруют эсеры,
Премьеры и мэры... милиционеры...
Здесь, если глядеть в нефтяную трубу,
Предскажешь свою и собачью судьбу
Страны, что, валяясь в роскошном гробу,
Льёт воду, пьёт водку, ликёр «Малибу».
Здесь лучшие девушки – порно-актрисы,
В театре всегда приоткрыты кулисы,
В прокуренном воздухе запах мелиссы,
На свалке за городом шастают лисы.
Здесь всё по-другому, здесь всё по-чужому,
Сокрыта метелью дорога до дому...
Гуляет по улице взад и вперед
Несчастный, с петлёю на шее, народ.

СТИХИ СЕРГЕЯ ЧЕТВЕРГОВЦЕВА

СИНЕМАТОГРАФ

Я эмигрировал. И вот –
На рейде – белый пароход,
Куда с поклажею стремлюсь,
И пароход плывёт на Русь.

Жена моя черна, как ночь,
Чернее ночи чёрной – дочь,
Итог смешенья разных рас:
Зелёный цвет прекрасных глаз!

Русь. Расписные терема.
Рукопожатья... в синема
Шуршит колёсами авто.
Идёт кино. Обрыв. Повтор:

Жена бела моя, и дочь –
Белей жены... Я сам, как ночь.
Нас доставляет пароход
Назад, в Америку. И вот –

Идёт кино. Обрыва нет.
Экран отслаивает свет.
На белом гребне чёрных вод –
С большой трубою пароход!

Он выбивается из сил,
Но движет в сторону Руси!
Жена – моя, и дочь – моя.
В широкополой шляпе – я.

Приподнимая белый зонт,
Я размыкаю горизонт.
Ночь, словно чёрное пятно.
Обрыв. Повтор. Идёт кино:

Белогвардейский эмигрант,
Одет, как выставочный франт,
В сопровожденьи милых дам
Плывёт к французским берегам.

Земля в шевиотовом платье,
Озёрная зоркая гладь...
Звезда, как свеча над полатью,
Мерцает, мешая мне спать.

Луны желтопсовое ухо,
Ристалище мёртвых полей –
Блуждание странного духа
В душе обоюдной моей.

Заводчик ночного кошмара,
Включатель неоновых фар –
Пронзает пространство амбара
Синюшный бензиновый пар...

Я еду, минуя сугробы,
По гребню глухого холма...
Глядит, словно мама из гроба,
Вослед мне Россия сама.

Выезжает месяц на кривой кобыле.
На деревне – осень.
Перелески в мыле
Нервного тумана. Полночь. Половина
Сада
мокнет у овина.

Принеси меня в жертву богам,
Я безумен и храбр душой,
Приобщаясь к последним дарам,
Не узнаю, что станет со мной.

Никнет у оконца бледная берёза.
На деревне – осень.
Скована морозом
Конная дорога. Полночь. Половина
Сада
мёрзнет подле тына.

Хороша долгопрудная смерть,
Предсказуема поступь воды...
Я могу до утра постареть,
Умереть без особой нужды.

Лес уселся реке на закукры,
Жалок осенью лес без листвы,
Как раздетые детские куклы,
И поля без травы-муравы.
Натаскав на болото фашины,
Лес просыпал фальшивую медь...
Я глядел на мученья ольшины,
Больше не на что было глядеть.
Нагота – истязанье природы
И ниспосланной нам красоты,
В прокажённой душе Квазимоды
Облетают, как листья, мечты...
Каролина, актрисою порно
Я впервые заметил тебя,
Машинальные зёрна попкорна
В повлажневших руках теребя...
После двух или трёх кульминаций,
Что казались (увы!) не стыдны,
Страсть моя не сдержала оваций,
Треугольником вздыбив штаны!
Без упрёков, ревнивых возмездий
Чую боль, чутким сердцем дрожа,
В недоступном для похоти месте,
Где моя уцелеет душа!

Возвращается дойное стадо,
Я дослушаю поступь копыт,
Речь реки, диалог листопада,
Долгий спор тектонических плит...
Вопреки непокою природы,
Бесшабашная смолкла душа.
Восхваляя озимые всходы,
Водку льют на бугре кореша...
Их сварливые жёны судачат,
Птицы песни поют для небес...
Да и как по-другому... Иначе
Мир умолк и уже не воскрес.

Осень лишь в сентябре золотая,
В октябре осень – швейный салон,
Где зима-белошвейка латает,
Как изношенный плащ, небосклон.
Голубеет... Дорожка пороши
Вперемешку с листвою двора,
Над разбухшими кадками крошев
Копошатся крестьянки с утра.
Я люблю обнажённые звуки:
Ломкий лёд опустевших озёр,
Взятый мной до весны на поруки
Леденящий ладони топор.
Я устал... многоточье в сонете...
Неуютной казалась постель...
Поутру замаячило в нете:
Не проснулась Эммануэль.
В доме прибрано, пахнет полами...
Я хочу в октябре умирать –
Затяни, осень, узел на память
И зиме не позволяй развязать.

Сочувствует небо
Осенней земле,
Неубранным хлебом
Светлеют во мгле
Поля... вдоль дороги
На пнях мельтешат
Поджавшие ноги
Ватаги опят.

Опущены руки
Берёзы к воде...
Неясные звуки
Мышей в борозде.
Проклюнулись звёзды
В ночной вышине
И ёрзают, мёрзнут,
Сочувствуя мне.

На край могильного холма,
Где вербы бедствуют во мраке,
И деревенские собаки
Ласкают спину чужака
Суконным лаем, по тропе –
Неопалимая росой,
Не окрылённая звездою
И непокорная вербе –
На ощупь, не наверняка,
Теряясь, путаясь, плутая...
Плита чугунная литая,
Плита гранитная – не та,
Железная плита сырая,
Заплесневелая плита –
Во тьме, без тени, без следа,
Вороньим харкающим ором
Вербованной, почти слепой,
Оврагом над, по-над забором,
Овеществлённой луной –
Проплыть, протиснуться, пробраться
За грех, за имя, за дарма,
За упокой, запанибратство –
На край могильного холма...

С неизбежной судьбой
Ты, родная, поладь.
Маслянистый прибой –
В океанскую гладь.
На поля и сады –
Как звезда в небесах,
На чужие черты
Соскользнув второпях,
Через год, через два
Не узнает ладонь,
Молодые дрова
Так не помнят огонь.
Позабудь обо мне,
О разрывах гранат,
О вселенской войне
Позабудь, как солдат.
Как луга о цветах,
Позабудь обо мне...
На интимных местах,
На руках и спине
Я смогу наколоть
Проливные дожди...
Тешь безгрешную плоть.
Если сможешь – не жди.

СКОРБНЫЕ ПЕСНИ

1

Едва дожди, что длились беспробудно,
Пройдут, как сны, и осень прояснится,
Созвездья отворятся, путь-дорога
У края леса станет проходима –
Повешу на расшатанные окна
Глухие перекошенные ставни,
При случае счастливом – на попутке
Доеду к станции, где рельсы видят город.
Живя давно, мне помнится, и доле
Среди не безымянных косогоров,
Я позабыть старался – обо многом,
Тайком от нежности, от совести украдкой...
Письмо твоё, сухое, как признание
Подростка в незатейливом поступке,
Все реже доставал я из комода
И сжѐг в печи, как жѐг в пустынном сердце
Упрямое желанье быть с тобою.
И обретая почву под ногами,
Забыв неисчислимыя обиды,
Неотвратимо глубже понимая
Бескрайность звѐзд, горящих в чистом небе,
Я разлюбил спокойные погосты,
Могилы предков, осень... Вечерами
Я без упрѐка и без сожаленья
Стоял у покосившейся ограды,
Следя за тем, как листья, словно чувства,
На землю осыпались безмятежно...

2

Осень... осенью, разве что, поздней
Вместе мы видим окраину тёмного неба,
Там, где вчера перелётные юные птицы,
Долго прощаясь, кружились над серою пожней...
Жаль, жаль, наша жизнь облетела багряной листвою,
Нет, не об этакой доле хотелось мечтать мне!
Полно размазывать сопли, как тайные слёзы!
Тихо крадётся зима и хватает за горло.
Вьюга... вьюгой замыты пути в перепаханном поле,
Чуть дребезжат на ветру захудалые кроны,
Ярко горит под окном, полыхает рябина –
Кровью в моём остывающем, любящем сердце!

3

Не столь морозна и немногочлюдна,
Текла зима, снежок по перелескам
Облюбовал укромные лощины
И таял, дотлевая, как береста.
Невосполнимо вымерла округа,
Никто не пьянствовал, не хлопали ворота,
По вечерам – сиянье голубое
Присутствующих в доме выдавало.
Признаться, мне и видеть не хотелось
Людей – совсем, ни слушать их заботы.
И книги, припасённые к прочтению,
Бестрепетно томились между полок.

Лишь изредка при свете старой лампы
Я о душе печалился заблудшей
И ждал весны, как пахарь ждёт исхода
Озимых зёрен из прогретой почвы.
Знать о себе весна дала на Пасху,
Очнулись птицы, дрогнули овраги...
В моей душе ничто не изменилось.

4

Когда река разлилась до деревни,
Я оставался на ночь с рыбаками,
Палил костры, выслушивал рассказы,
Терзая папиросу в размышленьи.
Я видел, как беснуются пороги,
Как гулко озаряются язями
Рыбацкие смолёные баркасы,
Как скорбно и устало умирают
В мерёжах верноподданные щуки...
Я понял, что смогу ходить, как прежде,
По улицам и скверам Петербурга,
Передавать обычными словами
Баллады, кропотливые, как осень...

Холодный дождь стучит по крыше,
Дорога исподволь чиста,
Из тучи месяц шишел-мышел
И опрокинулся с моста.
Птенцом барахтаясь на воле,
Упрятал тельце в камыши.
В бескрайнем обморочном поле
Глухая полночь... Здесь, в глуши,
Где нет подвод, как нет okazji,
Совиный ух и волчья речь –
Благословясь, в своём рассказе
Я страхом должен пренебречь.

С недавних пор мне ясно снится,
До омерзения порой,
Что поздно, за полночь, стучится –
Приходит нищенка за мной.
Скрипя отъявленной клюкою,
С обуток стряхивая грязь,
Окна морщинистой рукою
Она касается, трясась...
Неотвратимо и надёжно
Дверь на щеколду заперта,
Ладонь, споткнувшись, осторожно
Коснулась мирного креста.
Умолкли: грубое проклятье
И дребезжание клюки...

Под утро, белое заклятье,
В село вернулись рыбаки
И рассказали: этой ночью
Сошёл с небес неясный свет –
Нечаянно заметил кормчий
Девичий смутный силуэт...
Как будто крыльями взмахнула
И... вдруг – исчезла в никуда!
Круги тяжёлые сомкнула
Обременённая вода.
Кто расторопней был – вдогонку
Нырнули... Но... не повезло,
Как видно, бедную под гонку
Течением уволокло.

Когда над миром свет забрезжил,
Мы, обессиленные все,
Лохмотья нищенской одежды
Нашли на выстрельной косе!
Затронуть рубищ не решились,
Следы заметив на песке,
И птиц, которые кружились,
И злые тени в тростнике.
Расстроено с дурною вестью
Мы добирались до села...
Печать исполнившейся мести
На сердце каждому легла.

Рассказ – придуманный и вздорный,
При чём здесь нищенка и месть?
Любовь бывает непокорной...
Смертельных случаев не счесть!
Прошедшей полночью украдкой
Душа, сошедшая с небес,
Плыла, плыла на лодке шаткой
Туда, где образ твой исчез...
Плыла, плыла в надежде жалкой
Увидеть то, что скрыла мгла...
Как тинной – волосом русалки
Движенье сковано весла.

Надежда уходит последним дождём,
Деревья листвою кропят глинозём.
Позёмки, сокрывшие полосы меж,
Не терпят сомнений...

Над пожнею, меж
Туч пригвоздилась глухая звезда,
Желание гаснет, скупее мечта,
Замёрзла в реке ключевая вода...

Заря, словно птица, легла на крыло
И белое сердце кровавит зело,
Поля и деревню, стога и бугор...
Грубеет мороз и звенит, как топор.

Мы знаем, что жизнь мимолётна, как сон,
Что сердце промёрзнет, как створки окон...
Последним дождём – перед долгой зимой –
Уходит надежда и свет голубой.

Говорю отцу родному:
Слышишь, батя, хватит жить.
Ты лежишь, парализован,
Рвёшь и режешь по живому,
Бедной матери из дому
Невозможно выходить.
Мама медленно кивает
Поседевшей головой,
Подстиляет, подпирает,
Неподкупный ангел мой.
Пробегут стальные слёзы
По изрезанным щекам,
Словно в сильные морозы,
На оконце злые розы
Расцветают по утрам.
Сделай выдох добровольный,
Там, за гранью бытия,
Обещаю, что не больно
Жизнь продолжится твоя.

Едва любви обетованной
Ко мне вернутся голоса –
Я поделюсь небесной манной,
Я божьи высмотрю глаза!

Как спину выпрямит дорога,
Я птиц побалую с горсти,
Тоску души, как травы стога,
Судьба не сможет растрясти.

Преодолея реки, горы,
Не приближаясь к городам,
Стране – без света и призора –
Я сердце медное отдам!

В опустошённой деревушке,
Когда разъяснится окрест,
Душе, как матери-старушке,
Благословясь, поправлю крест.

Скользя по зыблемому краю,
Где чернобыльская земля,
Душа сгорает, умирает...
Душа моя...

Как только под осень – оранжевый тон –
Рябина склонится на тын,
Далёкого озера тёмный затон
Окажется вдруг золотым!

Как только под осень оранжевый цвет
Рассыплется, светел и свят,
Где старый сарай, словно Ветхий Завет,
У края Вселенной распят!

ПРОБКА

Она продавлена вовнутрь
Порожного стекла,
Где нет возможности вздохнуть,
Где участь зла козла.

Садятся мухи на неё,
Как на кошачий труп,
Как на посевы – вороньё,
Как плотники на сруб.

Под громыхание сапог
Ей мнится, что прибор
Переползает на песок,
Медузы держат строй.

Холоднокровная луна
В неё вонзает взгляд,
На фоне неба и окна
Деревья шелестят.

Проходит вечность. Ждёт она,
Когда, задрав костыль,
Пьянчуга, трезвый от вина,
В траве найдёт бутылку!

Он вырвет пробку, как чеку
Последней из гранат.
И внук его, забыв тоску,
Подарку будет рад!

Втыкая ножницы на треть
Тебе под мозжечок,
Начнёт неистово вертеть,
И нате – поплавок!

Придёт на отмель вечерком,
Где рыба не живёт...
Но клюнет сом, как грянет гром,
И леску оборвёт!

И канет глыбою во тьму,
И там умрёт на дне!
И будешь ты сама собой
Болтаться в глубине!

И позабудешь вспоминать,
Как пьяница рябой
Свободу – век её не знать! –
Давил, давил петлёй!

Позорна избранность свобод,
Живи в речной глуши!
Пусть водят утки хоровод,
Рыдают камыши.

Когда рачьё дожрёт сома,
Размазав по песку,
Тогда отправишься сама
Излечивать тоску.

Я ненавижу адский труд,
Особенно, когда устало,
По кругу первому, идут
В забои мира от портала
Отцы-проходчики, когда
Этажной бранью в три аршина
Трещит замёрзшая вода,
И рвутся шлангов пуповины...
Визжат и стонут – пятый круг! –
Вгрызаясь в скальные заломы,
Как продолженье цепких рук,
И перфораторы, и ломы!
В девятом – словно электрод,
Обуглен, кинут на брезенты,
Лежит кромешный идиот,
Не получивший дивиденды.

Я сам спустился в ад... Тогда
Я думал всуе: это – гордость,
Крошить из камня города,
Распознавать кулак на твёрдость
О мебель, челюсти, бутыль
(Дурная пьяная сноровка –
Бить кулаком ей под затыль,
Чтоб выкорчёвывалась пробка)!
«Крестьянский сын купил пимы,
Год на поверхности елозя...
Он сопли вымазал в навозе,
Пока дополз до Колымы».

Как воеет вьюга за спиной,
Как плачут новые в получку...
Как я оправдывал забой
В похмельной, взмыленной трясучке,
Я не забыл! И ненавижу,
Когда погрузчики, как грыжу,
Ресивер тащат на убой!
И эхо, рыская в пыли,
Не гаснет в трещинах земли!

РАМЕНЬЕ

Я гну постоянную спину,
Я посох мусолу в руке,
И мне очевидна причина
Наклона деревьев к реке.
Октябрь... Листою повинны
Предместья ошпаренных вод:
Фрегаты, корветы – рутинный,
Готовый к отплытию флот.
Преградой армаде – туманы,
Погибелью – звёзды вдали,
Во мгле муравьи-капитаны
Наощупь ведут корабли...
Случалось, суда приставали
К обрывам чужих берегов,
Случалось, суда привставали
На гребнях негромких валов.

По курсу – дремучие плёса,
Язей обманувшихся плеск,
Раскосо парящий с откоса
Хозяин осенних небес...
И люди – зачинщики сплава...
И острые крючья багров,
Которым посильна забава –
Расчаливать груды плотов.
Линкорам, эсминцам скитаться
До крайней поры декабря,
Чтоб в юном поледе остаться,
Как мушкам в кусках янтаря.

Лес злобно скрежещет, как ставень,
Флотилию гонит вперёд,
Хотя откровенно бесславен
Доверчивых листьев поход.
Червлёные – в дупла запрятать,
Багряные – в норы вдохнуть...
Тогда доведётся поплакать,
Покаяться и помянуть.

Грядёт молодая могила
Крестом заскорузлым ветвей!
Так память моя воскресила
Последний исход кораблей.
Всю зиму живу неутешен,
Весною – хоть криком кричи!
Увижу, как в жерлах скворешен
Снуют пристяжные грачи.
И воздухом – клейким, тягучим
Наполнятся ноздри, тогда
Сугробов лежалые кручи
Слепая подмост вода.
Почувствую клейкую столь же
Листву, как ожёг на руках...
Но это – ни меньше, ни больше –
Забвеньё бунтует впотьмах!

Мы не задумывались, но
Любовь в трущобах сеновала,
Как мимолётное кино,
Невосполнимо миновала.
Среди цветов моей страны
Ты выделялась, очевидно,
Реальность превращалась в сны.
Обидно... Моя любимая... прости,
Я не совру, так получилось,
Что ты, зажатая в горсти,
Вдруг между пальцев просочилась –
Зерном, песком, водой – плевать!
Саднит душа, как горсть пустая!
Навеки прозвенела вспять
Слеза надежды, догорая...
Идут дороги в никуда...
Стоят дома сугробам вровень...
Угасшей нежности звезда
Дрожит, подрублена под корень...

Я вижу сон: где тысячи огней,
Как сотни лиц, вращаются, без счёта,
Холодный пар, мерцающий ручей
Стекают в бесконечное болото...

Лишь холм один... нет, множество холмов
Маячат сквозь исчадья испарений,
Как груды вопиющих черепов
Под гнётом увядающих растений...

Там, где луна укачивает пыль,
Лежат, едва приметные для глаза,
Обрушенные своды, и столпы,
И вдребезги замызганные вазы...

Что было здесь – Акрополь, Пантеон?
Из темноты, где тени увядали,
Доносится до слуха слабый стон
И шелест ускользающих сандалий...

Чадила непримерная трава,
От смрада ядовитого потока
Кружиться начинала голова,
Кровь застывала в недрах кровотока...

Раздался то ли выдох, то ли вздох,
В преддверье ада жизнь зажгла лучину?..
Болото так обсасывало мох,
Так в мох нога ушла наполовину...

Гремя костями, рушился скелет
От дуновенья ветра неземного...
Я грязь стряхнул – как вдруг нахлынул свет,
Астральный свет ударил снова, снова!

Я понял – уязвима красота,
Искажена и выжжена молвою
Любви моей святая простота!
И тленно всё, что тронута рукою!

Я овладел таинственным ключом
Поганой вечности... я к Богу притулился
Дрожащим сердцем, дружеским плечом...
Я родине навеки отоснился...

Скоропостижно, одичало,
Холодным лезвием змеи
Скользя по веткам краснотала,
Явился миру луч зари.

Им ослеплённый, сумрак ночи
Ослабил кольчатую стать,
Ночь преисподняя короче
Всей жизни захотела стать.

Пар исчезал над островами,
Качались утки на волне...
Опустошёнными глазами
Подруга улыбнулась мне...

Рукой бесчувственной поспешно
У края сердца провела,
Сказала: ночь была кромешной,
Жаль, очень медленной была.

Я понял: это расставанье,
Нам осени не зимовать!
Обременённое сознание
Не помешало угадать

За обескровленной улыбкой,
Пустынным взглядом без конца –
Глухая ночь была ошибкой
Немилосердного Творца.

Вы были опасно красивы,
Пожалуй, резки вгорячах...
Уснула осенняя ива
На ваших поникших плечах.

Стада ухажёров потешных,
Поняв, что погасла звезда,
Укрылись в чащобах кромешных,
Что, в общем, бывает всегда.

Снег падает и не сгорает
В ладонях остывших полей,
Холодное небо смыкает
Бестрепетный круг журавлей.

Нелепая, горькая участь:
Играючи миром владеть...
Вконец измотавшись, намучась –
В холодное небо глядеть.

А память? Дырявая барка,
Где ветер неистов и лют!
Подкидыш, которого жалко
В ближайший отправить приют!

Признаюсь, любил я вас тоже...
Наверное, прочих сильнее,
Холодное сердце тревожит
Бестрепетный круг журавлей.

Смерть помнит всё. Ей вечно суждено
Глядеть на бренный мир усталыми глазами:
Не так, как луч зари в росистое окно
Глядит, легко скользя над лесом и полями.

Не так, как я гляжу. Как нищенка глядит,
На паперти ютятся церквушки захудалой,
Как праздный человек – он, если поспешит,
Успеет на трамвай полночный, запоздалый.

Ни света, ни мольбы, ни жалости, ни зла
Во взгляде смерти нет – ни страсти, ни порока...
Несчастливая моя, забытая земля
Глазницами озёр зияет одиноко!

Теперешняя Русь... Как ноша на горбу,
Которую влachu понуро и без прока,
Случись, что я – мертвец, в нетёсаном гробу,
На родину смотрю с покорностью пророка.

Случилось! Я – мертвец! Спаси и схорони!
Не так, как светлый луч над лесом и домами,
Не так, как лживый плач подвыпившей родни...
Как нищенка с горячими глазами!

Эпиграф:
«Дура, выгляни в окно!»
Шиллер

Как ты ушла, бездарно трачу
Кромешный день, слепую ночь:
Пью напролёт... напившись, плачу,
Что с глаз долой – из сердца прочь?

Я жду... а ты всё не вернёшься
И не напишешь – почему?
В уставшем сердце отдаётся
Боль, непостижная уму.

Царит над чёртовой любовью
Мечь и зачатое число!
Сама потворствуешь злословью,
Не появляешься назло!

Мой мир расколот, изувечен,
Я помню мутной головой
Твои стремительные плечи
Над очумевшею травой.

Я бью посуду – на удачу,
Как жизнь, прожитую вчерне...
Змеюка, чувствуешь – я плачу,
Что ж не торопишься ко мне?!

Я под присмотром журавлей,
Полей, заросших лебедой,
Хотел прожить сухой остаток дней
Наедине с плакучею землёй,
Где был мой дом, где прячется забор
В обильных зарослях крыжовника,
смороды,
Где я повёл бы долгий разговор
С самим собой перед лицом природы...

Перо отбросив... без поводыря,
Чьё имя – Муза, с дерзостной отвагой
Не стал бы я чернила тратить зря,
Вдруг соблазнившись чистою бумагой!
Не попросту, скорее, неспроста
Я вспоминал о пройденной дороге,
Большой любви, свободе... И уста –
Поэта – размыкавшего... о Боге!

И, чуя смерти вычурный топор,
Не торопил отчаянных мгновений,
Когда плывут, подтапливая взор,
Ряды неувядающих видений...
Преследовать измученной души
Не стал последней мыслью золотою...
И землю, на которой просто жил,
Не обагрив стoической слезою...

Светло на прибранном погосте,
Излука месяца остра,
Калины призрачные гроздя
Лепечут пламенем костра!

Обворожительные слёзы
Росы... Мелькают мотыльки...
За ограждением – берёзы
Дрожат, как света рушники!

Моя земля качнулась на восток,
И снег, сойдя с насиженного места,
И пар, непроницаемый, как тесто,
Отправились реки наискосок...
И чёрный лед, а вечером – кровавый,
Торосами оправил берега,
И птиц глухо-шумящие составы
Остановили сердце ивняка...
Лось протрубил, ступая на валежник,
Сильнее, чем Архангел Гавриил,
Когда взхлёб рыдающий подснежник
Овражный склон слезами затопил...
Дымы над потемневшими домами,
Как старики, согнувшись пополам,
Сползли, чуть ковыляя, к пилораме,
Где запах дерева – и выструган, и прям...
Где, дожидаясь сплава древесины,
Мы жгли костры, дегтярили причал,
С которого матросы-исполины
Бросали сосны гулкие, сплеча!
Те на морозе, грянувши о землю,
Звенели, как натруженная медь,
И месяц юный, загодя затеплясь,
С испугу в тучи прятался на треть...

Ночами мерещатся чаще:
Приют беспризорных ночей,
Промозглые, волглые чащи,
Бездонных провалы ночей...

Одну не зову Эвридикой,
Другую – забуду, как звать...
От похоти тёмной и дикой
Скрипит виртуозно кровать.

Ору песнопенья до рвоты,
Текилу кромешную лью –
Случилась икота, охота
Случилась на душу мою.

Она, убоявшись, отпрянет,
Горя от немого стыда...
Предчувствую – время настанет
Проститься с душой навсегда!

Горят испарины огней
Твоих, моя земля,
Как вдохновение ночей,
Отдохновенье дня!

По транспортёру льётся вверх
Лоточное зерно –
Моя земля живёт для тех,
Кто в ней лежит давно...

Кто по колено, кто по грудь,
Вросли в сырую землю,
Всевышний, навевая жуть,
Главенствует: Азм есмь...

Но, словно птицы, чей завет
Опустошить гнездо,
Сквозь бремя дней, брэнчанье лет
Мы доберёмся до...

Космогонической волшбы,
Где среди иных чудес
У человека нет судьбы,
Нет Бога и небес!

В праздном Египте, в одной из гробниц,
Ржавый папирус нашёл я... Отныне
Знаки мне снятся, что падали ниц,
Словно барханы, в угоду пустыне...

Вслух бормочу... и загадочный Сфинкс
Мне открывает Вселенские сути:
Я – финикиец, я – эллин... я – инк...
Страшно до пота, прекрасно до жути!

Друг-археолог с лицом хитреца,
Чуть поперхнувшись, сказал, как отрезал:
Это донос на супругу жреца
В пору правленья второго Рамсеса...

Что зачарует нас, что истомит
В жизни, как в женщине? Пред-ожиданье
Вечных открытий, житейских обид...
И... обладанье!

В жарком Египте – подавлен, смятён...
Рванный папирус я бросил в гробнице,
Слушая, как в коридорах времён,
Он грохотал колесом колесницы.

Морозным земным первопутком
Понурые люди бредут,
Уракая громко и жутко,
Над головами несут
Портреты вождей, что безмолвно
Приветствуют с красных трибун:
Интеллигентские толпы,
Рабоче-крестьянский табун.

Я дома сижу инсургентом,
Бульжник упрятан в подвал,
Сижу, пробавляясь абсентом,
Я родины не предавал...
На счастье – составлена смета,
Судьба учтена наперёд,
И если взглянуть из кювета,
То – навзничь шагает народ.

Грозит демонстрантам в затылок
Рука, раздающая хлеб,
И труп алкаша, как обмылок,
Несут в милицейский Эреб.

Над старорусскою рекой
Хворобной сутолокой ветел
Слонялся месяц-перевертень,
Приятель скуки кочевой.

Как рыба в скопище коряг,
Он в тучи втиснулся, неярк,
Минуя сумрачный барак,
Где догорал свечи огарок.

Они уснули у стены,
Укрывшись стёганой судьбою,
Их руки, переплетены,
Дрожали юною листвою.

Их души переплетены,
На ощупь двигаясь во мраке,
Отпрянули – обожжены
Свечой, блуждающей в бараке...

Пока огарок дотлевал,
И воск вытаивал на блюде –
Успели руки разминуться,
А души – ринуться в провал.

Обжито небо до горьких слёз,
Земля – темна, холодна...
Губит замытый плёс
Глухая седая волна.
Ягодник сытный,
Шорох грибной
Давно ушли на покой,
Лес, облетев листвою,
Глядит, как гудит прибой.
Сколько мгновенных дней и ночей
Долгих – не видеть дом,
Сколько ещё не смыкать очей
В диком краю чужом?
В промозглых сопках бродил норвег,
Саам находил приют,
Свирепые ветры берут разбег,
Волны колотят в ют!
Бледны кораблей ходовые огни,
Гребни пенных валов
Лижут камни, словно ступни
Разбившихся моряков...

Легко тебе – на улице весна...
Цветут и чахнут сточные канавы,
Лёд раскрошив от самой переправы,
Гудит освобождённая струна
Реки... к забору притулясь,
Бродячая собака... не об этом
Сказать хотелось, но, разгорячась,
Мируюсь с необязательным сюжетом.

Да, мне легко... И знаешь, почему?
Душа вздохнёт, избавившись от стона,
Увидев неба светлую кайму
Сквозь ветви ускользящего клёна.
Чванливый цокот вьедливых сорок
Моей душе приятно безразличен,
Как школьник, раздавивший коробок,
Как грязный кот в преддверии добычи.

Знакомый нищий ластится к бачку,
Ища объедки скудные на ужин...
И горе, и смертельную тоску
Я слышу, милосердно равнодушен.
Сумятица и выпренность весны,
Как обморок, где гулкие виденья
Ветвями новоявленной сосны
Кольнут... и канут, вспыхнув на мгновенье.

Опустошение окрест,
Первопрестольный снег
Спешит, как птица на насест...
Слияньем быстрых рек
На берег выброшен баркас,
Растянутым гудком
Он извещает грустно нас:
Пора идти пешком.
Кому – четыре стороны,
Кому – репей на грудь...
Я вижу сны моей страны,
Что навевают жуть:
Аллея вырубленных лип,
Унылость и разор,
Сосед несёт солёный гриб
И водку на бугор.
Кому – похмелья кавардак...
Кому – рубаха в клочь,
Я душу отдал бы за так,
Чтобы уехать прочь.
Влачатся сани без гостей,
Клюют вороны хлеб...
Борис допился до чертей,
И удавился Глеб.
Старушка-мама бы могла,
Погоревав, помочь...

Лет восемнадцать, как слегла
В сырую землю... Ночь.
Я обрести хочу покой,
В последний смертный час
Не слышать стон, не слышать вой...
А слышать – Божий глас!
Хочу от мата убересть
Слух... Имя – от врагов,
Я в землю лечь хочу, как лечь
Рекой без берегов!

Закончится вечером век:
Ни света, ни успокоенья,
И я, как простой человек,
Умру за свои прегрешенья.

Вязальные спицы дорог,
Петлёю – последняя встреча...
Я мог бы... я всё-таки смог
Идти, никого не калеча.

Я мог бы, я всё-таки смог
Прожить высоко, благородно,
Да есть ещё звёзды... есть Бог,
А Богу иное угодно.

В изнеможении поля...
В лесах пустеющих тревога...
Погода: около нуля,
Остолбеневшая дорога.

Досада в листьях – им не жить.
На небе бледная зарница.
Река. Стремление уплыть.
Вода. Желание струиться.

Луга оставлены без трав.
Снопы разложены в порядках,
Девицы, юбки закатав,
Капусту мнут в дубовых кадках.

Под вечер сыро. Мелкий дождь,
Садовник сумрачный, несносен,
К закланью – саблезубый нож –
Готовит сызраньскую осень.

Атолл стоял аятоллою
Над толпами безумных волн,
Проститься с чёрною чадрою
Тебя заставил русский клён.

Родня, покорная Корану,
Забыла имя Хавиза –
Не за потомком Тамерлана,
А ты подумала, что за...

В промозглом городе Карельске
Всегда тяжёлая вода,
Под полумесяцем апрельским
Сгорела южная звезда.

Висит, как рыба на кукане,
На старом кителе медаль...
В азербайджанском ресторане
Прекрасных глаз твоих миндаль

Отобразил холодным светом
Судьбу поэта. Посему –
За боль, кольнувшую при этом,
Тащи, несчастная, долму.

АКВАРЕЛЬ

Лёд ноздреват, пузырьчат лёд,
Снег бегл, вода мутна,
Вот-вот, и рухнет в небосвод
Подмытая сосна.

Как топляки, на берегу
Валяются челны,
Остановились на бегу
Предвестники весны.

Подёрнут лёгкою травой
Оттаявший бугор,
А дымкой светло-голубой –
Аляповатый бор.

На большаке, забравшись в грязь,
Барахтается гусь,
И ясень наг и долговяз,
Как мартовская Русь.

Знаю – завтра... Точнее, сегодня
На колени опустится сад,
Я увижу, как свет преисподней,
Обнажённый, сочувственный взгляд.
Милосердствует Сам – хромоногий,
С позволения сказать – Вельзевул,
Словно путник, уставший с дороги,
Проберусь на расшатанный стул.
Ниспадающий свет керосинки,
На столе заблудились клочки
Раболепной бумаги... Поминки
Сигарет, обращённых в бычки.
Опустилась душа на колени,
Выпал снег, словно мел из руки...
Смерть придумал расчётливый гений –
Мой учитель у школьной доски.

И не за что тебя благодарить,
И незачем, вращение дороги –
Паучья обескровленная нить
Вокруг дрожащей мухи-недотроги.

Уходят первозданные леса,
Кричат навывлет раненные птицы,
Вращаются, как спицы колеса,
Окрест небес холодные зарницы.

Сдвигаются, как стрелки на оси,
Помимо зренья, разные предметы,
Я получил не то, чего просил,
И не хочу благодарить за это.

Ни слова-полуслова о любви...
Когда собаку выгонят из дома,
Она издохнет – а душа кровит,
Предпочитая мёртвое живому.

Железной пятернёй твоей фаты
Зажат, крутясь ужом на сковородке,
Я зря недооценивал мечты,
Которые затапливались водкой.

И не за что тебя благодарить,
И незачем – твой адрес на конверте,
Спасибо, что позволила мне жить
И величать бесчестие бессмертьем.

Дороги... пустотелые сараи...
Обещанный запаздывает снег,
Усталая природа замирает
Под сводом осени, что выморщен и блекл.

Встречают чёрной очередью зиму
Деревья, очерствелая трава,
Уходят чередой неотвратимо
На ветер обращённые слова.

Низложен месяц, тучи непрестанно
Дождём кропят оседлые поля,
Преодолев последний полустанок,
Машину останавливаю я.

Обочины, разбухшие до края,
Стекают вниз – воды последний бег...
Я тихо помираю, замерзая
Под сводом осени, что выморщен и блекл.

Отпылило лето, отпылала осень,
Что ни день, то с градом вперемешку дождь,
Стало меньше света, стало больше сосен,
На полях соломой догнивает рожь.

Лужи в грязной пене на дороге тучной
Отражают вечный запустенья вид,
Над речной излучкой слышен скрип уключин:
Сумасшедший кто-то рыбу сторожит.

Сердце будоражит человек упрямый,
Пусть скрипит и дальше, я не буду спать.
Напишу про город, где болеет мама,
И про то, как ночью страшно умирать.

Мой Бог покинул здешний мир,
Пропали в сумраке Вселенной
Цирцея, Лира, Альтаир –
Недостижимый и надменный.

Погасла тёмная душа
И сгнула, какая странность:
За ней исчезла не спеша
Вся крабовидная туманность.

Подобьем чёрных дыры
Зрачок мой сузился до боли,
Последние вобрав миры,
Глухие судороги воли.

Время осени, бремя надежд,
Аризона колхозных оград,
Островов голубой Будапешт,
Остывающий долгий закат.

География страждущих лиц,
Нумизматика пыльных дорог,
В тихом облаке – Аустерлиц,
В лебеде – сумасшедший Ван Гог.

По речной остроносой косе
Протоптался поэт Бержерак,
Умещаются образы все,
Словно зёрна пшеницы в кулак.

Если завтра нагрянут снега –
Что увижу я через окно,
Как во сне, в черно-белом кино –
Антарктические берега?

ОСТРОВ

Случилось странно и непросто:
В других, неведомых мирах
Недостижимый снился остров
И страх, неизъяснимый страх...

Верблюдом горбым по пустыне,
Звездю Млечного Пути
Плывёт мой остров, но доныне
К нему дороги не найти.

Там нет любви, как нет забвенья,
И, слыша невозможный звук,
Грядут холодные виденья,
Созвездья валяются из рук...

И нет конца, как нет начала,
Долга видений череда,
Над ними лодкой у причала
Стучит заблудшая звезда.

На ощупь – всё не ощутимо...
На веру – проще и страшней...
Здесь смерть моя неотвратимо
Столкнётся с жизнью не моей!

Обыкновенною улиткой
Сползает к озеру луна...
Как чаша пенного напитка,
Ночь вдохновением полна.

Вода нежна и холодна,
Звонят поля неугомонно,
Луна вдоль озера одна
Бредёт и светит монотонно.

И одинокая душа,
Вбирая лунные пейзажи,
Вдруг замирает, не дыша,
Однажды даже...

Бог непосильными трудами
Мне возмещает смерть и снег,
Река тяжёлыми руками
Для русла раздвигает берег.

Когда скользишь по этой глади,
Не зная, что там, впереди,
И умоляешь, бога ради,
На берег каменный сойти,

Где посиневшие осины
Мне возвращают жизнь, и в дождь...
Давно забывшая овины,
Страдает выжатая рожь.

Страдай и ты во тьме бессонниц,
В глухой резне колоколов,
Где адский гул громадных звонниц
И нежный ужас сладких слов.

Сцепки звёзд, вагонетки богов,
Навевающих нежность и жуть,
В рукодельных извилинах снов,
Где не выдалось даже вздремнуть.

Я предчувствую тающий лёд,
Роды леса, обряды воды...
Как душа – словно солнце – сожгёт
За собою мосты и сады.

Сгорали птицы, на закат
Всю ночь летящие упрямо...
За горизонтом Фудзияма
Их поглощала наугад.

Скоропостижно и легко...
Так умирают только дети,
Терялись птицы в лунном свете
И попадали в молоко.

Я опустился на ружьё,
Нас убивает не природа –
А то, что вспять не видит восхода
Глухое зимнее жнивье.

То, что не видит после нас
(Смешная пиррова победа)
Морозный раскалённый наст.
Ни вздоха осени, ни следа.

Не умереть бы киоскёром,
Книгопродавцем незаметным,
Тщедушным старикашкой хворым,
Передавальщиком газетным.

Не умереть бы землепашцем,
Мужланом с бычьими глазами,
Там, где пласты земли вчерашней
Клубятся пылью под ногами.

Не умереть бы разночинцем,
Властителем, простолюдином –
Под проржавевшею овчиной,
Под планетарным балдахином.

Поэтом вымолен у Бога
Сиюминутный выбор смерти,
Все остальное – жизнь... дорога...
Стихи... в безадресном конверте.

Дождь осыпается на землю
Речитативом майских гроз,
Ползёт по вымокшему стеблю
Лягушка, мокрая до слёз.

Два водомера, жук-плавунчик,
Три непонятных паука –
Кромешный рай, едва наскучит,
Глаза открою. А пока

Судак очами слюдяными
Глядит в упор на червяка,
Деревья ветками седыми
Напоминают облака.

Когда крестьяне пашут поле,
Пока овца кромсает луг,
Скажи, какой еще неволе
Не подчиняется досуг?

Неволе – жить, неволе – видеть,
Как дни уходят в никуда.
Как просто женщину обидеть,
А, значит – сгинуть без следа.

В борьбе привычных сомнений,
Эгоистических начал,
Как мелкий тать, как некий гений
Ты много Богу обещал.

Над увереньями не властен,
Лишь подтвердил один закон:
Душа расколота на части –
Армагеддон.

Вернулась осень с отвращением –
В грязи, отрепьях, нищете...
Ты отнеслась с предубеждением
К моей несбыточной мечте.

Слепым корабликом в тумане
Металось сердце наобум,
Ты апеллировала к маме,
Я требовал гидраргирум.

Пренебрежительно, укромно
Мы расставались... лес молчал.
Из недосказанного помню,
Как волны бились о причал.

Тихий, рассеянный дождь,
Осыпь росы поутру –
Словно привычная ложь,
Я никогда не умру.

В чёрную глядя дыру,
Чуя вселенскую пыль –
Я никогда не умру –
Я никого не любил.

Средь галактических струй
Выдохлась гарью звезда –
Я никогда не умру,
Я и не жил никогда.

Коломазь осени... Стойбища птиц.
Листья резные кружатся по ветру.
Сосны оркестра, упавшие ниц,
Битые дни репетируют ретро.

В церкви – опасливый запах свечей,
В небе – лохмотья рябиновой сажки...
Невосполнимый холодный ручей
Режет привычные глазу пейзажи.

Спросишь прохожего – молча кивнёт,
Путь через заросли ветер отыщет,
Старый от века бревенчатый мост
Переведёт через реку в селище.

Птица икает, шуршит мошкара,
Ночь не приходит, бела-кочерыжка,
Я вспоминаю: сегодня, вчера...
Жил на деревне обычный мальчишка.

Дом, где он жил – рассказали: сгорел.
Люди случайные, вяз и дорога...
Память крошилась, стираясь, как мел,
Мутное сердце не помнило Бога.

Предрасположенность природы
К мятежным дням – невыносима,
Горят губительные всходы,
Как Нагасаки, Хиросима.

Испепеляющие взоры
Роняют сумрачные листья,
Как шулер карточный, который
Не разобрался в парном висте.

Обременительны и свежи,
Докучливы и сиротливы
Оставшиеся без одежды,
Обезображенные ивы.

Не надо думать, что сегодня
Луны искромсанный обрезок
Сольётся по небесным сходням
С тяжёлой тенью волнореза.

И что кораблик трёхмачтовый
На острие Адмиралтейства,
Почти к отплытию готовый,
Утонет в море лицедейства.

Среди гримас людских, ужимок
Я вспомню очередь за хлебом,
В пенсне расколотых прожилок –
Невыразительное небо.

Шумный берег, похожий на взморье,
Где червлёные избы-челны
Наседают, шурша, на угорье
По накату пшеничной волны.

Чуть поодаль восходят остожья,
Словно веги рыбацких сетей,
В них плутают, как старые вожжи,
Сухопутные сёстры угрей.

Всё стрекочет, порхает, щебечет,
Разной живностью море полно...
Выплывает, как остров, навстречу
Староверского бора пятно.

Очевидней его очертанье,
Обнажённой уступы ветвей,
Клокотанье сильней и дрожанье
Пенных волн среди гремучих камней.

Я люблю островок недалёкий,
Где цветут незабудки в кустах,
Где спокойный погост одинокий –
Как солдат, чья рубаха в крестах,

Где поют сенокосные ветры,
В отдалении где, не спеша,
От людской суеты незаметно
Отдыхает, вздыхая, душа.

Октябрь – тысячелистник –
Нас провожает в путь,
Тьмой многоликих истин
Сокрыта жизни суть.

На прибранном погосте,
Как видно, к холодам,
Крестов глухие гроздья
Ласкаются к рукам.

Неровные пригорки
Белёсою травой
Призывно и прогоркло
Шаг сковывают мой.

Высокая ограда
У мраморной плиты...
Куруется белый ладан
Берёзовой четы.

Соблазном увяданья
Мир дольный напоён,
Мы – жалкие созданья,
Один создатель – Он.

И я – Его наследник,
И братец Иисус,
И дуб – тысячелетник,
В разводах рваных бус...

Как и жил, не знаю сам –
От начала сотворенья
Пламя вечного горенья
Недоступно небесам.

Покупая георгин
На ближайшей остановке,
Оказался в обстановке –
Ты одна, и я один.

Ни следов былых друзей,
Ни родимой капли крови,
Перекликнулась на мове
Пара белых лебедей.

И ночь пришла. И стало страшно
За жизнь, которая одна...
Льдом поперхнувшись, в рукопашном,
На Север двинулась Двина.

И ельник, сросшийся с осокой,
Ослеп, как сумрачный киот,
И в небе низком, но высоком,
Звезда закончила полёт.

Цвели державные метели
Безделицей из Хохломы,
Две с половиною недели –
Двина к Двине – держались мы.

Теперь не свидимся, тем паче,
Двина – на Север, дым в трубу,
Но двинский лёд, и боль в придачу –
Мне выжгли борозды на лбу.

Обозы звёзд мерещатся реке,
Река сокрыта каторжными льдами,
Как вздорный пёс – ручей – на поводке
Срывается тяжёлыми рывками.
Замёрзшая вода озарена
Сияньем осени... Последняя телега
Обоза звёзд – у моего окна
Чуть дрогнула и встала для ночлега.

Мы – скрытое дыхание воды –
На том уже, ещё на этом свете?
Нас обручами сдавливают льды,
Нас цепко держит Вечность на примете.

Мы – тени обескровленных берёз,
Мы – злые зёрна выбитых колосьев,
По наши души – караваны звёзд,
Сверкающие дугами полозьев.

Мы сядем в них... печаль недалека,
Пути Господни неисповедимы,
Дрожит и обрывается рука
Последним жестом странной пантомимы.

Мы – дети не родившихся отцов,
Нам ни к чему – ни плакать, ни креститься.
Не глядя в лица новых пришлецов,
Берут поводья тёмные возницы.

Мой грешный путь скользит по краю,
Он тихо гибелен в глуши,
Что чаще жизнью называю
И реже – раем для души.

Душа моя, твои досады,
Разгневанные пустяки,
Как лейтмотивы листопада
Над остеклением реки.

Как выстрел, разметавший свору,
Под стоны сердца, глубоки,
Всё тяжелей – по косогору –
Последней нежности шаги.

Не надо помнить судный день
И гнать послушливое время.
Как гвоздь, забитый прямо в темя –
Судьба российских деревень.

Не надо видеть странных снов,
Околевать, как небо в стужу,
Срамной исподницей наружу –
Душа российских городов.

Где жить мне?.. Где река мутна,
Лес поредел, пожухли травы...
Седой старик у переправы
В займы взял денег... до темна.

ЗВЁЗДНАЯ РЫБАЛКА III

Ночь застоялась на часах,
Суммарно звёзд – большие тыщи:
«Обшарил глубь, завёл ботище»...
И затерялся в небесах
Созвездьем, названным Голоавль,
Что для Галактики – пустяк.
Рыдает нищий Переславль,
Свистит ошпарившийся рак.

Друзья безлюдным Весеьгонском
Идут на нерест похорон,
И тёплый ветер мордой конской
Пролететь пытается в вагон,
Как будто пьяница нездешний,
Обезображенный, рябой,
Не насладившись страшной, грешной,
Астрологической судьбой.

Исход земных привычных звёзд
По руслам тёмных рек,
Где Млечный путь – глухой вопрос,
А свет – слепой ответ.

Чуть приукрашивая суть,
Проходят наши дни.
Вопрос – промёрзший за ночь путь,
Ответ – огни, огни...

Холодный сумрак, распаясь,
Крушит хвосты комет,
Волн незатейливая бязь
Сошла на да и нет.

Среди вселенных и других
Приветливых миров
Горит звезда моя, как стих
Из позабытых слов.

ПОЛИНЕ

Устал. И, накрепко устав,
Припомнил воинский устав:
Мышей построил по ранжиру
И наказал им долго жить –
Пойти в кино, пропить квартиру,
На паперти поворожить...
Быть может, мелкую монету,
Весьма похожую на грош,
Подаст засушливое лето...
Кому-то замуж невтерпёж –
Моей отчаянной подружке,
Красивую нахмутив бровь,
Полина водку пьёт из кружки
И зряшно бредит про любовь.
Мужик бесчинствует в тюрьге,
Она, как гостя на постой,
В еженедельной передряге
Идёт бухать ко мне домой.
Её, как водится, жалею
И, слушая привычный бред,
Всё отдаю ей, что имею...
И ничего, по сути, нет...

Походкой смачною судачьей
Сосед пожаловал на двор,
Как видно, выдалась удачной
Рыбалка – значит, разговор.

Капусты ражая закваска,
Стаканы, налитые всклень...
– Ты был, соседушка, в Небраске,
Трухлявый вологодский пень?

– Милок, чего уж нам Аляска,
В деревне сызмальства живём...
Стакан... и следует рассказка
Про рыбу под названьем сом.

О, Русь – крестьянская забота,
Жизнь, что налимьи потроха,
Соседа мучает икота,
Собаку – голод и блоха.

Меня – тоска... Людское горе,
Куда кругом ни обернись...
Ты, как всегда, рыдаешь, Боря,
Пока отрыгиваешь Русь?

Кто видел Русь – опасно болен,
Незряче слеп, насильно глух –
От звона мёртвых колоколен
Страдает искажённый слух.

Дрожит и мается телега,
Дожди скользят по проводам,
Останки Ноева ковчега –
Всплывают избы тут и там.

За горизонтами событий,
Где миллионы чёрных дыр,
Посредством суетных наитий
Иной я воскрешаю мир:

Возможно, мир перерожденья,
Быть может – мир наоборот,
Где под предлогом вдохновенья
Создатель переходит вброд

Моря бескрайние вселенных,
Где, как самовлюблённый Кай,
Я из миров обожествленных
Напрасно складываю – рай.

МОЛИТВА

Если падёт проклятье на головы наши,
Выпадет снег... И сдует сытый прах наш с земли,
Как с деревьев листья осенний ветер.
Помянем твою душу, Господи...
Вознесём ли, несчастливцев, слово не Тебе.

СТИХИ СЕРГЕЯ ЧЕТВЕРГОВЦЕВА

Я – беспартийный коммунист,
Единороссец без России,
Я уголовник, пацифист,
Кромешный пьяница, мессия...

Я – стойло тысячи ослов,
Кошмар обугленной Вселенной,
Властолюбивец, богослов,
Трансцендентальный и трансгенный...

Я плотояден, как трава...
Я неотступен, словно вирус...
С недорожденья голова
Моя обёрнута в папирус.

Не народившийся на свет,
Я философствовал в утробе.
Я – грязь ногтей, я – ржа газет,
Я виртуален, неудобен...

Жена, ушедшая навек,
Мои не вспомнила размеры...
Я монсеньор, я имярек,
Я раб с разбойничьей галеры.

Меня спросил Наполеон:
На кой нам хрен снега Московии?
Я – обрывающийся сон,
Я – слёзы горькие Прасковьи...

Передвигая стеллажи,
В рабочих папках профсоюза
Я встретил артефакт души:
Сереже... с преданностью... Муза...

Четверговцев, зайдите
В среду или четверг...
В оловянном корыте
Свет ботвиньи померк.

Не у стойки вокзальной
Неустойкой грозит –
Проститутки фискальный,
Отрезвляющий вид.

Отодрав эполеты,
Намекнул вестовой:
Четверговцев, ты в Лету
Дверь плотнее закрой.

Я за липкие суши
Умирать не готов,
Как же хочется кушать –
Даже между миров.

Зря лежите на рельсе, –
Молвил странный субъект, –
Скорый в Новом Уэльсе
Завалился в кювет.

У субъекта – наросты
И рюкзак за спиной.
И крошечные звёзды,
И туман голубой...

Возвращаясь к перрону,
Я почуял нутром,
Как усыпала крону
Стая чёрных ворон.

В баре барышня зыбко
Улыбнулась... Сергей
Помнил эту улыбку
До окончания дней...

ПИР

Есть в реках лежбища лещей,
На ямах илистых и мрачных,
Где отблеск солнечных лучей
В зрочках дрожит полупрозрачных.

Но, покрывается вода
Подёнкой – пиршества предтеча:
Лещей пугливые стада
Облюбовали мелкоречье.

Преображенье комаров,
Над сытной падалью мгновенной –
Пружины чавкающих ртов
Сжимаются попеременно.

Вверх по течению лещи
Прут, перемалывая воду,
И жабр гудящие свищи
За пир благодарят природу.

Но сетью – колья в берегах –
Обезображена протока,
И цепью брякает в руках
Смерть, неизбежна и стоока.

К полудню полчище лещей
Кипит под сетью, как на блюде,
Баграми чествуют взашей
Лещей чешуйчатые люди.

Те, кто молился – отошли
В глухие суводы, заливы...
И смерти запах, и земли
Мусолят в тинах боязливо.

Стало скучно и нудно рыбачить...
Тихо умерли все рыбаки,
Из скупых человеческих качеств
Мне досталось смирение реки.

Разрезая спектральные воды,
Виртуальные рыбы плывут,
Я не чувствую сердце природы,
Что навек упокоилась тут.

Может быть, так и надо – не знаю –
Под присмотром опасных идей,
Я прошедшую жизнь поминаю,
Вспоминаю обычных людей.

Качается листва над вспаханной землёй,
На кроснах вечеров не ткётся паутина,
Где воздух голубой, где кровью неживой
Течёт по верх оград созревшая рябина.

Наверное, умру – и вся моя печаль
Закончится – и я в Неаполе, в Севилье...
Как прежде, не смогу, и, право, очень жаль,
Визгливых тискать баб на загородной вилле.

Явь образует сон, который словно явь...
Предпочитаю сон, что выглядит свободней,
В эмалевом тазу бугрится рыба язь,
Что поймана вчера, а вспорота сегодня...

Казалась долгой, непрестанной,
Но истончилась, как туман,
Жизнь, где смешались люди, страны...
Не помню ни людей, ни стран...

Не помню страждущие сёла,
Сопутствующие города,
Где, шляясь пьяницей весёлым,
Не рассмеялся никогда.

Где и гуртом, и поимённо
Был и по найму, и взаём,
Батрачил сдельно, повремённо –
Не помню сделок и времён.

Избороздил моря седые,
Жил наизнанку и вразнос,
Чтоб ночью тёмной, как впервые,
Заплакав – не услышать слёз.

Осенней ночью, втихомолку
Бродя в заброшенном саду,
Споткнуться сердцем об иголку,
Как о летящую звезду.

СТИХИ СЕРГЕЯ ЧЕТВЕРГОВЦЕВА

Гуляет ветер сыромятный
В расщелинах Уральских гор...
В Москве дожди, на солнце пятна,
В Багдаде, да – багдадский вор.

Страдают ветры, сосны стонут,
Я слышу ветер, слышу стон
И неподкованных вагонов
Всепоглощающий разгон.

Куда поехать? Сивый мерин,
Синюшный, стираный мужик...
Мой век отпахан, член отмерян:
Треножник, ёжик, Геленджик...

Подруга, как пятиминутка
Клубничная, опять кипит,
То ей всё холодно, то жутко,
То плохо – фикус не стоит.

Пошла бы, выпила таблетку,
Желательно, от головы,
Абсурдочка, кордебалетка,
Транссексуалочка, увы...

Катились пеной мыльной овцы,
День, расточительствуя, гас...
Как хорошо, что Четверговцев
Уехал утром в Гондурас.

СТИХИ СЕРГЕЯ ЧЕТВЕРГОВЦЕВА

ЛИСТ

Единица измерения осеннего ветра...
Ветер – сорок листьев в секунду, ураган.
Вчера четвертую часть суши
Накрыла буря,
Чёрные дни Четверговцева...
Плачут, сгорая, в саду жёлтые единицы
измерения...

АКВАРЕЛЬ

Осенний апломб. Ни туда – никуда.
Песчинкой Вселенной сверкает звезда.
Вода подзамёрзла. В крутых бочагах
Уснул визави о дремучих усах.
Доносится рокот бобровых плотин.
Пернатые кланы построились в клин...
Я «крузер» завёл. В придорожном кафе
Мангал разгорается... Автодафе.
Из тёмной кабины – птенцом из гнезда –
Скатилась к земле «плечевая звезда»...
Ко мне обратилась. Стрельнув папирос,
Присела на корточки возле берёз.
Блевотного пива шипящий брендспойт...
Осенний апломб. Возвращаюсь домой.

В глубины глухих поселений
Не скоро поеду теперь,
Где бродят холодные тени,
Приметы недавних потерь...
Роднятся печальные звуки
С беспечной, как вечность, листвой,
И руки, уставшие руки,
Зовут в темноту за собой.
Слышны колокольные звоны,
По всем убиенным, во мгле...
И светом сторевшей иконы
Оплакана жизнь на земле.

Я родился в шесть утра сентября седьмого,
В шесть утра умер мой лучший друг –
сентября седьмого,
На погосте люди глядели в упор,
Как формировался над ямой бугор...
Я родился в шесть утра сентября седьмого,
В шесть утра умер дядя мой сентября седьмого,
Жуткое было время –
страна поднималась с одышкой,
За отсутствием в деревне народа
Я сам за гробом нёс крышку.
Приставив крышку к могильной сосне,
Вспомнил: день рождения мне...
Крест изогнулся, как вопрос:
Седьмого числа был распят Христос?
Или на моё рождение
Произошло воскресение?
Помазанник осени, тигриной походкой
Дерсу Узала ушёл за водкой.
Могилы свежи,
гастарбайтеры – тоже...
Хмурит гнёзда со всех сторон
Гвардия наполеоновская ворон...
Вначале слово – Бородино... Ватерлоо...
Слышу: звенят о земельку заступы...
Вначале слово... затем – слово за слово...

В беспросветных туманах, с точки зренья луны,
Я лежу в одуванах непрестанной весны,
Снова дырки в кармане, с точки зренья монет:
Магазин «В одуване» – продаётся поэт...
Нрав нервозный и стервный,
У висков седина –
Лот последний и первый:
Грош такому цена.

Я высмотрел ослепшими глазами
Последнюю холодную весну –
Тяжёлый лёд торосил берегами,
Деревья шли, шарахаясь, ко дну.

Оторванная лодка понапрасну
Старалась снова выбраться на лёд...
Жизнь оказалась страшной и прекрасной,
Скоропостижной, словно ледоход.

Я высмотрел ослепшими глазами
Не раннюю, но дивную весну –
О дочери, давно умершей маме
Судачил бор, клонящийся ко сну.

Ночными заморозками вечер обусловлен,
Прочнее наст, багровой небосвод...
Я не подавлен, мама, и не сломлен,
Я остановлен, словно ледоход.

Меня осталась ровно половина...
На стрелке компаса ни севера, ни юга...
Когда смотрю на выгнутую спину
Твою, моя нездешняя подруга,
Припоминаю радугу над лесом,
В деревню мостик... Чёрными глазами
Ты выжгла несусветную завесу
Кромешной полночи, лежащей между нами.
Устойчивее, гуще поволока,
Чем русские осенние туманы.
Течёт вода с названьем Ориноко,
Разъединяя стороны и страны...
Целуя нежно тонкие запястья,
Ресницы... стоны, возгласы... и это...
Не обещаю истинного счастья
Золотоносным женщинам планеты.

Опасно думать, что снега
С посмертной белизной,
Деревня, облако, река
И тополя весной...

Опасно видеть, как уйдёт,
Трескою в невода,
Приподнимающая лёд
Весенняя вода.

Обычной вечности ветра
Метут из всех щелей,
И уезжают со двора
Подводы – без людей.

Торосы тают на Оби,
Отмаялось зверьё –
Как презирал я, как любил
Ничтожество своё!

Опасно думать, трудно жить...
Но многие века
Цветут себе колосья ржи,
Течёт-бежит река.

Сегодня сход луны внезапен,
Свод поднебесный невысок...
Весною я гляжу на запад,
Зимою – чаще на восток.

Души нездешние печали
О странной участи людей,
Святые, светлые в начале,
В конце становятся черней.

На отмели, на мелководье
Песок и камни без конца,
Едва нагрет полководье,
Воды глухой не пить с лица.

Не обнаружить отраженье
Ни туч, ни вербы, ни руки...
Движенье страшное, круженье,
В котором гинут рыбаки.

Я, по возможности, стараюсь
Ночами быть на берегу,
Но почему-то жутко маюсь,
Дышать, как будто, не могу.

...Уходят дни, минуют воды,
В полях проталины уже...
Я жду, как у моря погоды,
Добра и света на душе.

Встрепенувшись, кулик отпевает зарю,
Прислоняются ивы к воде –
Совершается ночь, и, подобно угрю,
Извивается тонкая тень...

Не увидеть гребущего издалека,
Глаз коли – на дворе вечера.
Еле слышно: с веслом оступилась рука,
Это сорваны с петель ветра.

Те, что звёзды трясут – белых яблонь налив –
И роняют в распахнутый сад,
Куршавелят разлившийся к небу залив,
Наугад, в недогляд, невпопад.

Сквозняком отзовется кромешный пустырь,
Осторожным шипением – гад,
Открывается ночь, как пустая бутылка...
И таращатся бельма на МКАД.

АКВАРЕЛЬ I

Остывает река,
Брежжат нежно сады,
Осень, как кабарга,
Заметает следы.

Некто, видимо, Бог,
Душу вспомнил мою –
По соседству лесок
Сбросил охру и тлю...

И томится на дне
Лучезарных небес
Весь, до капельки нем
И безоблачен, лес.

К ФОТОСЕССИИ НАСТИ ВОЛОЧКОВОЙ...

Не поставлю над сетями вех,
Под стихами не проставлю дат,
У меня сестры родной нет,
Но зато есть сводный брат.

Я сегодня полечу в рай!
Черета неоднократных виз,
Путь-дорога перелётных стай,
Стюардесса говорит мне: please...

Двухнедельный голубой тур,
Ощетинился клешнёй краб,
Средь разбросанных кругом фигур
Хороши фигурки русских баб.

Вроде, Настя Волочкова здесь
Показала миру, who is who,
Вдруг напомнилась родная весь
И сосед, что пробухал доху...

Я отправлю Насте sms
Про театры – малый и большой...
Есть игра на публику, есть ликбез,
Может, самодеятельный?.. Мой?!

Я – властелин чужого ада,
Посыльный призрачных миров,
Моя привычная награда –
Дорога и вязанка дров.
В горах Тайшета и Тибета
Скользила длань моя, пока
Остросюжетная комета
«Улыбкой ласковой привета»
(М.Ю.)
Пробила грудь наверняка.
И плакал мир, и слышал звуки,
Как волны слышит океан,
Меня отдали на поруки,
И путь отмерял караван.
И долго, долго бедуины
Опровергали пришлеца,
Глаза которого и ныне
Скрывают сердце мертвеца.
Гоня невольничьи отары
И почернев, как туарег...
Я прижимал песок Сахары
К губам, как русский первый снег.

В стране полей несухопутных
Моя исполнилась мечта,
Где от красавиц, от беспутных,
Не отлепляются уста.
Где и радетель, и добытчик,
Сбиратель податей земных,
Умелец, чиркающий спички
Среди богов глухонемых –
За белый сор слепого риса
С ладони юной Юэлань –
Я на ветру тростинкой высох,
Последний выронив юань...

Кипарисую по пляжу,
На волне – барашки сала,
Тел прозрачных – эрмитажи,
Загорелых – таджмахалы.

Калибруя камни мола,
Краб кобенится фаянсов,
На рубашку Марко Поло
Чайка выдавила кляксу.

Голопузые медузы,
Чёрствых бабочек икары,
По предгорьям сухогруза
Пляшут черти-кочегары.

Что за бляцкая манера,
Мать такую-растакую,
Обронив меня у сквера,
Вера режет на живую.

Дай «пятёрочкой» отмашку,
Я тебя живописую –
Снова клякса на рубашку,
Мать такую-растакую!..

Наконец-то чётко жарко –
Холмы вижу над равниной...
Хорошо, что снял доярку,
А никак не балерину.

Один шикарный грибной сезон,
Череда удачных путин,
Человек, одолевший склон,
На котором – горстка рябин.

Две-три жены... заповедь, как закон...
Дочь уедет ли в эмират?
Человек, постигая склон,
Не заметит своих утрат.

Скоро... вылупится из гнезда клон...
И не надо будет стареть...
Человек, превращаясь в склон,
Умоляет о смерти смерть.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Страдает поле от бессонниц,
От дребезжания осин...
Со мной работали эстонец
И обрусевший армянин.

Мы заготовливали сено,
Чтоб заработать на билет,
Нас повариха Магдалена
Кормила щами на обед.

И оставалось два-три луга
Сложить в заброшенный овин,
Не обошлись бы друг без друга –
Эстонец, русский, армянин.

Прощаясь, пили без азарта,
Звучали тосты невпопад:
«Послушай, э, зачем нам Тарту,
Мы в Ереван поедем, брат,

Где замечательные вина,
А дэвушки какие, джан...»
И, соглашаясь с армянином,
Я взял билет на Ереван.

Нет ни друзей... ни ереванов,
Ни кишинёвов, ни одесс...
Я белорусочку Оксану
Люблю – из прочих стюардесс.

ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ
(не из Мильвуа)

Среди обыденных страстей
Я – лист на дереве последний –
Смотрю, как павшие намедни
Устало тлеют у корней.
Я рассуждаю: отчего
Мне предначертанная участь –
Висеть, не падая, не мучась...
Под сердцем Бога самого?

НЕАНДЕРТАЛЬЦАМ РУССКОГО КОНЦЕПТУАЛИЗМА

Окромя комля.
Около околицы.
Усыпальницы сопля.
Зверинец звонницы.

Чучело чуда.
Перепел, Пересвет.
Куда, откуда
Бредень, бред?

Морковь махорки.
Плесени плеск.
Корка.
Борхес.
Веси.
Вес.

Азия. Поэзия.
Пуза карапуз.
Хруст груза.
Буксиры бус.

За перекатом Тибра,
На берегу реки
Ты ковыряешь поле
С женщиной без руки.
Небо – ни дна, ни края...
Давит на плечи зной,
Злая воронья стая...
Трудно копать одной
Рукой – жестяное солнце
Жжёт опустевший склон,
Душу, глаза и космы...
Дрогнул центурион:
Лучше б я сдох при штурме
Города Карфаген,
Горсткою пепла в урне
Значился, например...
Или альпийский варвар
Выколол мне белки –
Рядом вздохнула странно
Женщина без руки.
С гор опускался вечер,
Был освежён им
Воздух... и бывший вечный,
Неповторимый Рим.

Ни Верхоянск... Ни Оймякон
Моих стихов не прочитают,
Рай иноземцы называют
Пренебрежительно – Ольхон.

По виду – остров... Меж камней
Глубины узкого Байкала,
Для вдохновенья не хватало
Кровососущих голубей.

Сказали: омут... омуль, вот,
В уме – волною имя рыбы...
А горы зиждуются, как дыбы,
И рыба заплывает в рот –

Вкусна, чесночно-хороша,
Осточертела за неделю,
Как одуревшая без цели,
Окрест бродящая душа.

К приезду местных рыбаков
Я стал чинить и чистить сети,
Икая: нет страшней на свете
Сродни Ольхону островов.

О, Боже мой, не может быть:
Мозг раскурочен, пыл остужен!
Я буду пить из общей лужи,
Чтоб с ней куда-нибудь уплыть!

Но рассердился Керулен,
Вздымая доски на помосте,
Я пал, коленопреклонен,
Перед божественною гостьей.

Звезда пурпурная небес,
Обворожительная Эос,
Вам подошёл бы остров Клеос
И – нараспашку «Мерседес»!

Я попытался предложить
Красавице букетик чуши...
Не стала Эос долго слушать,
Пообещав не позабыть.

Я представляю, сколько нас,
Пытливых органом врождённым,
Её хотели ночью, дённо
Забрать с собою в Гондурас.

Но, видимо, байкальский бес
В меня вселился не на шутку.
Любовь. Иное время суток.
Встречаю долгожданный рейс.

Чем ближе к зиме – тем прозрачней вода,
Тем глубже на нерест идут невода,
Высокому оку проезжей звезды
Легко проникать просветленью воды.

Чем ближе к зиме, тем причинней огонь,
Чем лучше подкован – податливей конь,
Пока кузнецы не потушат огня,
Нашедший подкову терзает меня.

Чем ближе – сонливей колючистый ёж,
Плеть обухом, разве что, перешибёшь:
Плеть – молния, обух – кромешная мгла,
Стог в поле – напёрсток, стожар – как игла.

Чем ближе к зиме – тем короче слова,
Лежит у дороги трава-мурава,
Ошпарены листья морозом в саду,
Опомнись!.. Я скоро уйду...

СТИХИ СЕРГЕЯ ЧЕТВЕРГОВЦЕВА

Я видел, как любят. Я видел, как ждут.
Я видел, как время свивается в жгут,
Как падает оземь убитый солдат,
От горя от горького вдовы скулят.

Я видел. Я знаю сто раз и стократ,
Как падает оземь убитый солдат,
Как снег кровеносный сползает к реке,
Холодное знамя сгорает в руке.

Я видел победу и день похорон,
Как плавится в небе озон и аргон,
Как пуля лопочет, шипит горячо,
Кромсая предплечье, ломая плечо.

...Изба возле озера, яблони тень,
Шатается старый, как пьяный, плетень.
Постылые грядки терзает жена,
Бездонное озеро, сердце без дна.

Помочь бы родимой – хоть криком кричи!
Без ног в огород не пойдут кирзачи.

Я – третий в десятом ряду
Большой македонской фаланги...
И небо, как сердце с изнанки,
Похоже на небо в аду.

Листает мгновенья назад
Поход, кораблю предстоящий...
Я – в чёрную пену смотрящий
Сын Одина, идущий в ад.

Тюки... раскалённая степь...
В колчане оплавилась стрела...
Монголом, обритым на треть,
Скачу за родные пределы.

Я залпом шрапнели убит –
Средь брустверов Аустерлица.
Мой плащ безымянный скользит
На мёртвые русские лица.

Едва успеваю понять,
Что всё это – нет... не со мною...
Фаланга на марше опять...
Эскадра готовится к бою...

Война, чей прекрасен удел,
Считает не жертвы, а числа,
Среди человеческих дел
Отмечена ясностью смысла.

Покорствую я – обречён
На подвиг солдата нетленный...
Я выжгу огнём и мечом
Дремучие пятна Вселенной.

Ночь пришла, между прочим,
Канитель на двоих,
Проезжающий Сочи
Поезд будто затих.
Я тебя обнимаю,
Гаснут звёзды в окне,
Как собака, ласкаю
Наклонённую мне
Грудь... Ору – но не слышно
Чёрных воплей души,
Проклинаю, Всевышний,
Отпусти... задуши...
Не шепчи мне на ухо,
Не любить не неволь...
Повсеместную шлюху,
Повседневную долю.

Площадной, проспектный,
Уличный такой,
Машет дворник бедный
Медною метлой.

Дождь. Лягушки-люди
Скачут по воде...
Ваня, старый мудень,
Не трясёт муде.

Таня-лесбиянка
Прячется под зонт,
В подворотне пьянка
Набирает понт.

Мужеложцы стайкой
Юркнули в трамвай...
Ты – душевной ранкой –
Сердца не замай.

Уходи, паскуда,
Забирай тряпьё,
Над помойной грудой
Тешится бичьё.

Знай, что в этой жизни
Ты – глухая моль,
Клякса на отчизне,
Божецкая боль.

Краеведческий сон:

Отдыхает в реке, словно сом, крутосклон.

Осыпается стёжка, змеится, как ус...

Плавником одинокий топорщится куст.

Бродит солнце окрест, как заправский ловец,

На луч-лесу-уду принасажен живец.

Сом лежит – ни гу-гу... дремлет, свесив губу...

И со временем ночь накрывает избу.

Наш теплоходишко по Волге
Плывёт – по матушке... Вблизи
Людьми подстриженные холки
Лесов... Селения в грязи...

Как перепончатые крылья,
Как расписные письмеца –
Озёра... Ветром чернобылья
Черты ошпарены лица.

Дорога, выбравшись на ростань,
Ухабом пестует версту,
И стога вылинявший остов
Шестом уходит в пустоту.

Уныла осени картина...
Заиндевшие глаза,
Как плутовская паутина,
Слепая путает слеза.

Сморгнул и вытер. Почему-то
Вдруг прояснилось на душе.
По липкой наледи шкафута
Гуляет баба неглиже.

Тащи нехитрые пожитки,
Обжитый мухами стакан
И, погружаясь в сумрак жидкий,
Цепляй, что Бог даст, на кукан.

Гуляй на смерть, гуляй на радость,
Трави баланду, кушай хлеб –
За то, что вам не доставалось
Двух одинаковых судеб.

За лесом – луг, за лугом – выбел...
Укрывшись в кубрике, в пыли,
Налей за нежную погибель
Моей возлюбленной земли.

Не позабудь... Угаснет белый день,
Рассвет звезды умрёт, первопрестолен,
Померкнет обескровленная тень
Докучливо звучащих колоколен.

Не позабудь... Не вымолви: ты был...
Не притворяйся, будто не признала,
Когда я ненароком проходил
В толпе у Ленинградского вокзала.

Не позабудь... Клочки моих стихов
Рассеялись, как всадники в пустыне,
Войной доисторических миров
Затёрто добросовестное имя.

Не позабудь... Будь проклят смертный час!
И невская полночная простуда.
Эвксинский понт... Старик... Один из нас
Отчаянно надеется на чудо.

СТАНСЫ

Я сломан с восьмого колена,
Как ямбы поэта Капниста,
Грот-мачтой, от жуткого крена
Упавшей клепсидрой Калипсо.

Ищите поэта в утробе
Барачного медного гула,
Где чад алкогольных снадобий,
И сифилис ветром надуло.

Кому довелось повстречаться
При жизни со мною и в нетях,
Смолчали, что мог отыграться
Я только на собственных детях.

Увесистым камнем упала,
Так падает небо с откоса,
Душа моя... и не восстала
Из мрака вселенского плёса.

Душа, останься, вопреки
Тому, что сделано с тобою,
Когда я выплеснусь волною
Из памяти родной реки.

Когда я тихо снизойду
Листом, парящим с древесины –
Оставь не больше половины
Того, что встречу я в аду.

В кромешном сумраке холмов
Глухою дребезжащей тенью
Прикуй меня, как след к растенью,
Цепями ледяных оков.

Сотри меня с лица небес,
Четырежды затменья кряду,
Путём разящего разряда
Всех молний, рухнувших на лес.

Налей и снова опрокинь,
Наотмашь, словно ковш с водою,
Того, что сделано тобою,
Мной не забудется... Аминь.

Сатанеет паводок... степь горит...
Ополчилось солнце на мои снега,
Обретает небо эксклюзивный вид,
В небе обретаются облака.

Что тебе позволено? Пей да ешь...
Над речной излучиной жги костры,
Листья распускаются – их мятеж
Тенью отступает на дворы.

Баба у колодца перельёт ведро,
Саданёт цепочкою – да не в такт...
В печке умещается полвязанки дров,
Вяленую рыбой шелестит чердак.

А моя подруга – мочи нет –
В городской больнице рвёт бинты,
Тявкают дворняги на чеченский след,
Смоет скоро паводок все следы:

Санные, сюзанные... и ещё
Стойбище охотников у реки,
Костыли соседские, ё-моё –
Третий месяц шастает без ноги.

На груди ни ордена, ни креста...
Жизнь – по горло – водкою залита...
Мать головой седа...
Правда теперь не та...

АНТОНИЙ

Где ветер спит в подолах ив,
Где Днепр не молод,
Кий хромоногий, Щек, Хорив
Сложили город.

Я был волчицею рождён,
Я рос без матери,
Однажды, избранный дождём,
В бой двинул рати.

Смотри, Антоний: рваный знак –
Десницу через
К полудню пьяница Кончак
Обрящет череп.

В пыль перемолоты века,
Квадриги брошены в пустыне...
Твоя рука... моя рука...
Не различаются отныне.

Друг Четверговцеву, безумец Одиссей
Повествовал историю Аида,
Как юный незадачливый еврей
Суть геноцида и апартеида.

Дант мне открыл девятый страшный круг..
Был страшный круг привычен и нестрашен,
Отправлюсь в путешествие на юг,
На юге ад наложницами скрашен.

Мне эскимос играет белый ад,
Китовый ус мусоля перед носом,
Я эскимоса слушаюсь, как брат,
Но задаюсь вопросом, как философ.

Сажая в огороде бузину,
Я обнаружил жалкие созданья –
Мой пьяный мозг отправился ко дну,
В пучину бреда и естествознанья.

Объяв потусторонние миры
И души, в виде маленьких субстанций,
Мозг отрезвел... Я вышел из игры...
Я напрямиком направился на танцы.

Надравшись в стельку, лучше в бигуди,
Я видел, как отбросила одежды
Безукоризненная гарпия... В груди
Суммарные затеплились надежды.

Хочу на мат, как шах... как падишах!
Хочу во лжи, у пропасти над рожью!..
Когда наутро первый сделал шаг,
То поперхнулся собственной дрожью.

Из гарпии, помешанной на се-
ксе... оранжевая выкрутилась клипса,
И мне тарашилось, что я, как Одиссей –
На острове, в объятиях Калипсо.

РЕКВИЕМ

Когда исчезнет звёздный свет,
Дорога скроется в тумане,
В ряду метущихся комет
Одной-единственной не станет;
Отяжелевшие снега
Сойдут на нет на косогоре,
Несудоходная река
Водою не наполнит море;
В столпотворении холмов
На эхо не ответит голос,
И, рухнув, как стальной засов,
Уйдёт обратно в землю колос;
Заслюдевая и горя,
Листва деревьев не покинет...
И вниз покатится заря...
И тьма возвысится... Отныне
Поверь, что умер я.
Верь, что не вижу и не слышу.
Мне пухом чёрствая земля.
Мой реквием – свобода свыше.

О, ночь – невежество души,
Бесчинство звуков недоступных,
Отдохновение в глуши,
Где веселятся бабы в ступах.

Вакханки русских деревень,
Наперсницы бездарных Лелей,
Тень нагнетая на плетень,
Я избегаю параллелей.

И, уязвлённый шепотком,
Отождествляя ночь и зиму,
Я встал вам в горле кадыком,
Я стал вам – в посох – пилигримом.

Я стал вам лесом без листвы,
Поклажей совести, обузой,
Канавой имени Москвы,
Без пароходиков и шлюзов.

Я – Нильс без дудочки, мой Бог,
В подполье зреет ад крысиный,
Я – перекрёсток без дорог,
Я – раздражитель тополиный.

Прощай, отчизна... я забыл,
Как ты гнила со мною рядом...
Мы отправляемся в распыл,
Гонимые холодным взглядом.

СТИХИ СЕРГЕЯ ЧЕТВЕРГОВЦЕВА

У русской природы характер
Бывает изменчив и крут;
Застравший на пастбище трактор,
И немногочисленный люд,
Камни зернистые, брёвна
Сующий в зыбучий песок...
Деревня родная – дерёвня,
Случайная муха в висок!
Я знаю, что надо уехать,
Но только не знаю, куда...
Разносчиком семечек – эхо
Проспало мои поезда.
Любимая – дура, в том плане,
Что бросила мужа, а зря:
Стенала б под ним на диване,
Сушила ему плахаря,
Бахвалилась утром соседке
О том, что не каждой везёт
С размером, воистину редким,
Тягаться всю ночь напролёт...
Так нет – подавай ей поэта! –
Чтоб не было скучно в аду,
Которого в сущности нету,
Как яблок зимою в саду.

МАРИЯ

Осенних туч третейские поля,
Вселенная у грани заточенья,
Разливы рек... промёрзшая земля...
Обыденность взамен предназначенья.

Порой позёмка злая набежит,
Листву недоупавшую мурыжа,
Надёжно заволакивая вид,
Где вяз увяз, как сломанная лыжа,

В глухой сугроб... Сочельник и досуг,
Пчелиный гул горящего камина.
Я без друзей. Мария без подруг.
Гишпанские значительные вина.

Как сердце мне охватывает страх,
Как паводок затапливает сушу,
Так, утопая в сумрачных глазах,
Я обретаю собственную душу.

Мария!.. В полночь над рекой
Заметней заметённая дорога...
Я без друзей. Мария не со мной.
В тумане – шпиль. Адмиралтейство стога.

ПОЭМА РОДИНЫ НА ВЫСЕЛКАХ ДОЖДЯ...

На выселках дождя, в полях, разбухших от...
Пролившейся воды, что с каждой ночью больше,
Без дела прослонявшись у ворот,
Клён выглядит и призрачней, и тоньше.

За самоваром, выгнутым в дугу,
Деревьями различного пошиба
Остановилось время на бегу
И замерло, как шестирукий Шива.

На Мальте проходящий теплоход
Рыбацкие укачивает луззи,
Ничем не примечательный народ
Живёт на острове, как шар, застрявший в лузе.

И море – омывая сто земель –
Прославленное сучкой Менелая,
Как скомканная общая постель,
Где притулились русские у края.

СЕРГЕЮ САМОЙЛЕНКО

Проплыли звёзды, как отряд
Полночных часовых,
За ними выводок утят
И мама-кряква их.

Очнулась рыба... Мотыльки
Пестрят над гладью вод,
Засуетились рыбаки,
Таскают сети вброд.

Сегодня с рыбой мал и всяк,
Как подтверждение слов –
Лещей задумчивый косяк
Бурлит у берегов.

Под утро после дележа
Остались на песке:
Икра, остатки кутежа,
И небо в котелке.

Жизнь – Божий промысел, увы,
А смерть – не приговор,
Когда в садках полно плотвы,
Легко бежать во двор.

Насолишь на зиму... и так
Излишки раздаришь...
Господь – отъявленный рыбак,
Его не убедишь

Ни голавлями... ни плотвой...
В божественных сетях
Мы рыбьей мелочью с тобой
Запутались на днях.

Ночь обещала стать туманной,
Холодной в меру. Облака
Тянулись цепью караванной,
Покрапав дождиком слегка.
Вода казалась утомлённой,
Непроницаемой... Порой
В ней отражались непреклонно
Созвездья, месяц молодой...
Мир, и высокий, и прекрасный,
Торжествовал. Заря сошла,
Оставив след на небе ясный,
Как распростёртые крыла
Огромной чайки. Бор чудесный
Стоял на страже, не дремля,
Над открывающейся бездной,
Как рьяный кормщик у руля.

Вдруг вой послышался кромешный –
При резком свете ярких фар
Придуток, с бабою нездешней,
Заехал в бор, как будто в бар.
Гремела музыка, орала
Тупая стерва в неглиже,
Пока добрались до орала,
Скрывалось эхо в камыше.
Замкнулась, съёжилась природа
От пьяных игрищ... Поутру
Заснули сладко два урода,
Мочу разбрызгав на ветру.

Не пригубит плакучая ива
Убегающей к морю воды.
На далёкой, но очень красивой
Годы наши остались, следы...

Ветерок не тревожит залива,
Утка с выводком режет камыш...
На далёкой... и очень красивой
Вековая стоит неуслышь.

Дождь осенний... Облепят опята
Запотевшие старые пни...
На далёкой, красивой – к закату
Наши светлые, лучшие дни...

Дождь, как укор односельчанам,
Владельцам кошек и собак.
Как срез капустного кочана,
Луна пронзила полумрак.
С большой водой до новоскресен
Я доберусь к себе домой,
Через затопленные веси
Большой водой, большой водой...
Мы попрощались... Бездорожье.
Зыбучей пристани огонь...
Невежливо – и невозможно –
Твою удерживать ладонь.

My village is настырный rain...
Сосед, в пироге самодельной,
Облаял суку в конуре,
Досадно, нечленораздельно.
От неподдельного стыда
Запузырились вековые
Лужи... Мокрые стада
К ним нежные тянули выи.
Расставил с умыслом сосед
Под рыбу праведные сети,
Где были лавка, сельсовет
И красный флаг на сельсовете...
Где золотые караси
Голодным щукам блудным оком
Читают: Господи, спаси,
Чтоб не сожрали ненароком...
Зубастым – не до карасей,
Они разыскивают в чашах
Грибы и шишки всех мастей,
Как сущее в происходящем!
Я зачерпнул ведром одну,
Приняв на грудь стаканчик эля.
Во всю длину и ширину
Наждачной пасти: пустомеля,
Exchange, – промолвила, – табак
На то, что в доме само варит...
Емеля – не Иван-дурак,
Лицом по грязи не ударит!

Жене плакучей прикажу
Достать израильского чая,
Купить монгольский абажур
И с бодуна не осерчаю,
Что нет на закусь огурца,
То бишь, полена нет, ухвата...
Жаль, не отправить письмеца,
Не пригласить вас в наши хаты.
Голь не на выдумки хитра:
Бутыль пустую из-под whisky
Швыряем в воду со двора,
Где по-французски, по-английски
Начертано: to be or not...
То be – что в русском переводе
Звучит, как мать твою, как дочь,
Как то, чем делали нас, вроде.
Плывите чохом, ждём-пождём,
По Волге, Волхову, Печоре...
Сто миль болотом – здравствуй дом,
Hello, my house... and of story.

Могила, позабытая цветами...
Обычный квиетический погост...
Путь осени... завязанный узлами
Внезапно распускающихся звёзд.

Тобой произнесённые открыто,
Я выслушал тяжёлые слова,
Как запахи застолья-общепита,
Как осенью гниющая трава.

Я жил зачем? Куда центростремился?
Преображался, клялся, ворожил...
Пил. Изменял. Солгав тебе, божился.
Уютный ад при жизни заслужил.

Могила, позабытая цветами...
Путь осени... Путь женщины домой...
Я врал тебе великими словами,
Мой ангел с непокрытой головой.

Ольха, словно солод,
 рябиновый мёд,
сатиновый холод идёт –
 перелёт
на юг журавлиных
 холодных цепей,
лиманы, туманы...
 и небо теплей;

Где солнце, как солод,
 расплавленный мёд,
скалою исколот исток,
 и глоток
губительной влаги,
 гремучий фонтан
из недр – прохладен и
 осиян...

Слепая ненависть прошла,
как первая любовь...
Позолотились купола,
осуществилась кровь...
Во времени не застолбить
мой воспалённый взгляд.
Минувшего не воротить, –
в народе говорят.
В народе часто говорят
о духе колбасы,
Что лета многие стоят
Кремлёвские часы.
В народе глухо говорят,
что века не пройдёт,
как, налатавшие заплат,
мы двинемся вперёд.
А я по-прежнему горжусь
громкоголосьем лустр,
обыкновенно не стыжусь,
что мой бумажник пуст.
Дышу по-прежнему, курю
удушливый «Пегас»
и мимоходом не служу
тем, кто не верит в нас.
А я по-прежнему кружу
осеннюю листвой,
с большим усердием сушу
твой зонтик проливной.

А я по-прежнему гляжу
 один и тот же сон:
на побережье прихожу
 за день до похорон.
А я по-прежнему такой,
 каким и раньше был,
как будто с едкою тоской
 на брудершафт не пил.
Как будто не было во мгле
 проникновенья вьюг.
Как будто не в сырой земле
 мой незабвенный друг!
Я отнесу ему, как брат,
 последнее «прости».
В народе молча говорят,
 что, если потрясти
ЦеКа... ты спи – не обращай
 внимания на них...
Тебе – горящий иван-чай,
 тебе – Господень стих.

На берегу речушки быстрой
Жил мельник – статен и увечен...
Он высекал язей, как искры,
В кремнистых заводах обречья.

Старуха-травница глухая,
Гадалка вещая при этом,
Мир – от опушки до сарая –
Клюкою мерила с рассвета.

К исходу дня, дня воскресенья,
Сдувает ветер пыль на звёздах –
Они встречались, где растенья
Корнями спят в могильных гнёздах.

В тот день дарована дорога
Теням, блуждающим во мраке,
Во славу праведного Бога –
Скупое зелье, свет и злаки.

Не довершив поминовенья,
Вздохнула пара безнадежно,
И тени дня, дня воскресенья,
Друг друга обнимали нежно.

Лесные вычурные птицы
Остолбенели над погостом,
Не смели травы поклониться,
Обеспокоены норд-остом.

На склоне вод усталость рек
Сродни отчаянью природы,
Перебирает первый снег,
Как струны, выцветшие всходы.

Поднимет юная заря
Небес обугленные веки,
И листья – праздные калеки –
Сойдут на паперть ноября.

Превозмогая грозный рок,
В сиюминутное мгновенье –
Обрящут листья водосток,
Восток, восторг и вдохновенье!

Без объявления войны
Рука державная метели
Их, виноватых без вины,
Вотрёт в бревенчатые щели...

Как нежной скуки паладин
Сквозь пируэты, выкрутасы –
Один, стоически один,
Штурмуя призрачную насыпь –

Осколок света в полумгле,
Певец вселенского кладбища –
Лист – ищет неба на земле...
А мы, что ищем?!

Свободы – повсеместно быть,
Чураться смерти у порога...
Скрывать, до времени, от Бога
Всё то, что невозможно скрыть.

Молниеносные обиды
Хранит невольничья душа,
Как матадор – следы корриды,
Вор – междометие ножа.

Над обезглавленным холмом
Шумит, как снег безбрежный, тополь,
Туч золотой Константинополь
Сияет в небе голубом.

Я отправляюсь им вослед,
Подальше от родимых пагод,
От всяких тигод, ладог, чагод...
Сквозь новоявленный рассвет.

Сторожевой охотный лес
Трепещет рваными листьями –
Сроднись с народностью саами,
Бог выдаст, боров не доест...

БОГ?!..

Простой ремесленник судеб,
Здравший нимб над головою,
Построил дебаркадер Ною
И Моисею дал на хлеб.

Пока кухонный дирижабль
Казнит материю Вселенной,
Не важно – пеший, конный, пленный...
Ты – мёртвый на пути в Пенджаб!

На кручи звёздных берегов
Сквозь тонировку звездолёта
Смотреть – последняя забота
Несостоявшихся богов!

Чужая боль – дорога в рай!
Рай обозначен и обширен,
Одной Вселенной опунктирен
От боли, бьющей через край!

ЧОЛПАН

Он замёрз на масличной неделе,
С дури подорвавшись в самоволку,
Труп его, оттаявший в апреле,
Псами был растащен по посёлку.

Ползали спасатели по шхерам,
Корабли гудели неустанно...
«Караси» простились с изувером,
У «годков» товарища не стало.

Били ломом нудно, неумело
В косогор промёрзшего погоста,
Отзывалось эхо пустотело,
Яма оказалась не по росту.

«Хороните», – лязгнула мамаша,
Взвизгнула супруга: «Хороните»...
На помин души его пропавшей
Предложили водки русской выпить.

Сплюнули, но водку поделили,
Выругались матерно и сложно...
Вскоре ветры выдули могилу
Моряка с эсминца «Осторожный».

Октябрь бывает пустынным,
К последней декаде пустым...
Рассвет вышибается клином:
Утиным, гусиным... любим.

Сквозь трещины неба, прорехи
Стремятся на землю ветра,
Подгнившие листья и вежи
Я жгу посредине двора.

Я жгу посредине Вселенной
Сырые, как осень, костры –
И дрожью охвачены нервной,
Топорщатся звёзды, остры.

По первой пороше неплохо,
Приладив за плечи ружьё,
Искать по лощинам пройдоху,
Таскавшую летом курьё, –

По зову, по гончему следу
Обученных делу собак...
Под вечер, с обмолвкой, к соседу
Обугливать крепкий табак.

Я многое в участи понял,
С тех пор, оставаясь в живых,
Скрываюсь от вечной погони,
А время – скликает борзых.

По следу, по гончему зову
Лису выручает пурга...
Мы движемся к крову покровом,
Которому имя снега.

Весной, открывая путину,
Прищуриль на солнце глаза,
Я видел тяжёлую льдину,
Где глухо скулила лиса.

Пусть будет всё, как всё не будет:
Подсолнухи на Рождество,
Приходят ангелы, как люди,
Как люди... только и всего.

А те, с улыбочкой кромешной,
Не померещатся вовек
Душе моей – безумной, грешной,
Горячей, как январский снег.

Без удержу не будоражат
Плоть откровенную мою...
Стоокому ночному стражу
Гимн феерический пою:

Храни покой им, лес огромный,
Дави ухватами ветвей,
Чтоб злые твари вероломно
Не обрели души моей.

Чтоб не нарыскали дорогу
Сквозь окружающую тьму,
Принадлежали б твари Богу –
Чужому Богу моему.

Таят в себе всю смерть реки
Нетаящие льды...
И вечера не глубоки,
И звёзды не близки.

Дрожат огни дорожных сёл,
Дымят окурки труб...
Снег встрепенулся и пошёл,
Как чарка по столу.

Не позабыть полночный час –
Огонь в печи угас!
Кто похмеляется без нас,
Тот не поймёт меня.

Мы – одиночество... Душа
У каждого молчит...
Таких, как мы, роднит зима,
И смерть реки роднит.

Ночные звёзды, чьи глаза –
Чужих степных невест,
Не разберутся, ни аза,
Что напроорочит ночь!

Что напроорочит, засаднит...
Посыплет снег, как соль,
Ты проскулишь: душа болит...
Да разве это боль?

Трава шумит, заметно погрузнев,
Ей вторит эхо медленных дубрав,
Травы обременительный напев,
Как женщины отяжелевший нрав.

Скучны и пресны образы и дни,
Дород полей, а чаще – недород...
На близлежащей пристани огни,
Где редкий гость – хрипатый теплоход.

Причалил гость на несколько минут,
Я не пойду встречать своих друзей,
Они хмельного зелья привезут,
С которым подыхать чуть веселей.

Случится – драгоценная моя
Надумает проведывать братьёв:
Со старшим разногласье у меня,
Бог даст, и разочтёмся до краёв.

А, может быть – темна волшба судеб –
Его прощу, смиренен и суров,
И разломлю по-братски чёрный хлеб,
И разделю по-свойски отчий кров...

И тот, что ненавистен мне сейчас,
Положит жизнь – за сына моего...
Так волны, ударяясь о причал,
Расходятся протяжно и легко.

Какие дни! Какой тяжёлый год!
Луна холодная мигает маяком...
Отчаливает старый теплоход,
Прощаясь с нами сдержанным гудком.

НОЧНОЕ ВИДЕНЬЕ

Тая предчувствия, ища уединенья,
У городской неоновой черты
Я в сад забрёл, где стыло вдохновенье,
Как слепок мастерства и немоты.

Я вглубь направился ухоженной дорожкой,
И стало вырисовываться мне
Дрожание рассвета над сторожкой,
Метанье тени в замкнутом окне.

Голодной неприкаянной ордою
Скрывались меж ветвей нетопыри...
Внезапно отворилась предо мною
Тугая дверь... на простыни внутри

Мертвец покоился, по пояс обнажённый,
Поодаль – утварь, рукописи, снесь...
И женщина, чей взгляд опустошённый
Он видел перед тем, как умереть.

Точился воск и плавился на пальцы...
Любимая! Я путь закончил свой!
Прости, что жил досадным постояльцем
В обители души твоей земной!

Любимая! Не ты меня любила!
Тобой прощённый – я не виноват!..
Вдруг пеленой поднявшегося ила
Упала ночь на город и на сад.

И две звезды, как двое обручённых,
Сквозь тучи продирались наобум,
Как две души счастливых, обречённых
Иных садов услышать нежный шум...

Идя домой, охваченный смятеньем,
Я волю дал и сердцу, и словам...
Я видел смерть: пустынное мгновенье,
Когда стекают слёзы по щекам!

Последний обморок земли,
До пота вытоптаных пожен,
Мой дом, баркасом на мели,
Ветрами вылужен и брошен.

Налим забился под баркас,
Ворона села на дреколье,
Трава помолится за нас,
По горло вымерзшая в поле.

Золовка-осень на сносях,
Расположившись в изголовье
Реки... застонет второпях,
Мир заполаскивая кровью.

В крови распутица и дом,
Вода от крови почернела,
Кровь прокатилась колесом
В глазницах суки околелой.

В крови участливый сосед,
В крови – лопата и рубаха,
Могилы первозданный след,
Закат, как пламенная плаха.

Наутро кровь, старым стара,
Свернулась, сузилась, поблёлкла...
Скупые отблески костра,
Костра цыганского на стёклах.

РЕНЕССАНС 19-20

1

Мне кажется, что время ни на шаг
Не сдвинулось. Часы? – Идут себе исправно:
И стрелки перепонками шуршат,
И маятник барахтается плавно...
Находится таинственный ответ
Сего явления в сознании убогом.
Читаю Бунина: «...и времени в нём нет...
Нет разных душ...» – и понимаю: Бога...
Незыблемый кладбищенский покой,
Текущей жизни образы, виденья,
Рожденье звёзд... Иные ли рожденья
Моей подвластны воле неземной?
Принадлежит бессмертью что, забвенью?
Я знаю – человек! Я сам всему виной!

2

Пришла пора, где правит миром страх,
Предел для каждого диктатор обозначил:
Маячат конвоиры на часах,
Мы – в тюрьмах, приближённые – на дачах.
А время спотыкается вперёд
И эхом растворяется в эпохах
По схеме грубой: нечет или чёт,
И если жив ты, значит, всё неплохо.
Незыблемый кладбищенский покой,
Текущей жизни образы, виденья,
Рожденье звёзд, детей моих рожденье
Проходят суетливой чередой –
Не выведать – бессмертие, забвеньё,
Кто этому бедою и виной?

3

Другая жизнь: сияет над Москвой
Орёл... наотмашь в церковь двери,
Мы, об руку, на пенсии с тобой
Гуляем в ретушированном сквере...
Незыблемый кладбищенский покой,
Прошедшей жизни образы, виденья,
Старенье звёзд... Твоё, моё старенье
Подвластны твёрдой воле неземной.
Не всё ль равно: бессмертие, забвеньё...
Есть с нами Бог... и Бог всему виной.

В небесных сумерках мечты,
Чья неисповедима суть,
Светились райские сады
И в ад указывали путь.

В краю, где мы с тобой живём,
Иные я увидел знаки,
Чужого неба окоём
Нам путь высвечивал во мраке.

Я так люблю тебя, что жизнь
С тобою кажется нелепа...
Когда верстаешь этажи
Высотки, как ступени склепа.

Взмывая вниз... срываясь вверх,
Звездой в канаве водосточной,
Как развивающийся стерх,
Как собутыльник полуночный,

Как снег, за мёртвую траву
Цепляясь, в кровь сдирая руки,
Дрожа и плача наяву –
От счастья, ужаса и муки...

АКТЁР

Геннадию Жукову

Луна, в ноктюрнах и в накшатрах,
Осточертела, как жена.
Кричу в глуши амфитеатров
Богов безликих имена.

Ниспровергаемый игрою,
Меняясь в позе и лице,
Я струны каторжные строю,
Сжимаю иглы на венце!

Люблю Цирцею, пью цикуту
И изгаляюсь, как хочу,
Под маской каверзного плута
Сам над собою хохочу!

В экстазе умиротворенья
Крутя привычные волчки,
Опровергая песнопенья,
Таращу жуткие зрачки!

Обескуражены, не скрою,
Рыдают зрители мои...
Мне рукоплещут, как герою,
Творцу свободы, но и...

Я за кулисами стираю
Грим с посеревшего лица
И никогда не понимаю
Того, что делал, до конца.

Гербарий роз на край могилы,
Оркестр сводный позади...
Всё отдал я! Хватило б силы
Оставить руки на груди!

ЭЛЕГИЯ

Сука-осень пометила жёлтым пути,
Обездоленных птиц обрела на унылые, нежные стоны,
Я иду как в бреду, а вернее, пытаюсь идти,
Разгребая руками – в исподней испарине кроны.

Я иду, как иду, не навстречу готической лжи,
По дорогам страны, где ни друг я себе, ни попутчик...
Где на зыбком морозе звенят наконечники ржи,
Где офшоры, и вши, и восток, словно зная, приспущен.

Где режут Енисеи – на север, протяжно гремят кандалы,
Молодильный черствеет оскал на любом уворованном плоде,
А на юге – отрубленной кистью Дарлы –
Обретается право забыть о мечте и свободе.

Зима приходит из-за туч,
Из-за покрытых снегом гор,
И запирается на ключ
Морозом выстуженный двор.
Обезголосела метель
Осенней сумрачной листвы,
И клёны несколько недель
Не поднимали головы.
А во дворе, а во дворе
На клёнов сдавленной коре
Я процарапаю – сестре –
И ночью, будучи растре...
лян красными в саду,
Собакам кинут у плетня –
В коммунистическом аду
Забудь, родная, про меня.

Не обещаю, что вчера
Пить брошу, каяться и лаять...
Луны ущербная дыра,
Травы подкошенная память.

Не обещаю, что усну,
Не обещаю – оглянуться...
Продребезжали на луну
С цепи сорвавшиеся блюдца.

Не обещаю обещать –
Начни допытываться снова,
Не обещаю изменять,
Но еле сдерживаю слово.

Не обещаю замолчать,
Не обещаю не горланить,
Не обещаю потерять
О жизни праведную память.

Не обещаю не любить,
Когда Вселенной камасутра
Начнёт участливо дробить
Губою цвета перламутра.

Не обещаю, что сгорю,
Задраившись по горло в море,
Едва остынет к октябрю
Листва, счастливая от горя.

Не обещаю умереть,
Ни искоса, ни исподлобья
Потухшим зреньем не смотреть
На милый ад у изголовья.

Приподнялась звезда на цыпочки,
Чтобы взглянуть на мир людей,
В избе – остатки прежней выпечки,
Изба – без окон, без дверей.
Мякнув, кот написал в тапочки,
Метнулся в сумрачный чулан,
На свет качающейся лампочки
Стремится, как аэроплан –
Шмель... Запахом акации
До тошноты наполнен дом,
Перебирая ассигнации,
Иду к бутлегеру... Кругом
Настырно щёлкают цикады,
Соловушка звенит, кастрат...
Столь идиллические рулады
Обычный предваряют ад.

– А я ждала... Вы не поможе...
Мой завести автомобиль?..
Да упаси Вас, Маша, Боже
Пускать в глаза соседу пыль.
Плесните лучше керосинчика
В бак заболевшего авто...
Как покраснелось нежно личико,
Как дерзко скинулось пальто!..
Томясь в объятьях женской жалости,
Глотая капельки росы,
Я – без спасибо, без пожалуйста –
Сошёл с опасной полосы.

Спуск виделся уютною тропой,
Сомлел июль, запахло горько ивой...
Сосед устроил овцам водопой,
Пощёлкивая вицей сиротливой.

Река обезобразила песок
И, расслоившись в зарослях осоки,
Ударила волной наискосок
В обрыв незамедлительно-высокий.

Я караулил щуку за кустом,
Следя за тем, как мелкие рыбёшки
Толкались по теченью катышём...
Так ребятишки хлопают в ладошки.

Со стрекозой уснувший поплавок
Привлёк напоминаньем об Икаре,
Вдруг к ней одна приладилась – злой рок
Смерть уготовил грациозным тварям.

Я цвет стрекоз запомнил просто так:
Он был зелёным, как трава в покосе...
Не отличаясь стройностью атак,
Прошли язи. И я, беспокоясь...

Подумал: скоротечна жизнь
С неодолимой тягой размноженья,
Чуть оступись – природа разрешит
Твои неразрешимые сомненья!

Любовью называемая боль
Тебя покинет глупо и ничтожно,
Когда уверишься, что цель близка настоль,
Что не попасть, казалось, невозможно!

Сегодня ветер был пьянющ,
Зовущ... И ехало-болело
В руке, которая, как плющ,
Чужое сдавливала тело...

Я утром вытер грязный плащ,
Кивнув, оставил чаевые...
И долго слышал детский плач,
И чувствовал петлю на вые...

Эпиграф:
«Взгляни на небо, Тимофей,
Накликал Ивик журавлей!»
Шиллер

Молоком ветвей бузины –
Помнишь неимоверную ночь?
Жизнь поэта, как травы весны,
На дорогу легла, на обочь,

Под обрыв, где шумят камыши,
Согревая зыбучий затон...
Нет! Не выплакать выпью души,
Ибо проклята Русь испокон!

– Какой нынче месяц, братец?
– Месяц года одна тысяча девятьсот семнадцатого...
– Схорони, спаси меня, Господи!

Я тебя бескорыстно любил!
Навалились, как стая – гуртом,
Привязав к перекрестьям стропил
Присяжным сыромятным ремнём.

До сих пор и не понял: за что
Сапогами пихали под дых?
Я икал в полумгле на кожанки-пальто
Красной кровью... и утром затих.

А когда зашвырнули в канавную сточь,
Взвыли глухо голодные псы
На луну, что бледнела в кошмарную ночь
И глядела на муку Руси.

- Какой нынче месяц, сестричка?
- Месяц года одна тысяча девятьсот тридцать седьмого...
- Упокой мою душу, Господи!

Молоком обгоревших ветвей...
Чёрствой поступью чёрной земли...
По развалам зализанных ветром костей...
Ивик, где же твои журавли?!

АФГАНИСТАН

Дубы-ополченцы погрязли в метели,
Захлопнули вязы наотмашь шинели,
Я битву затеял с коварной зимой,
Деревья и Бог за моею спиной!

Река не сдаётся путём переката,
Свинцовой водой не посетуешь брату!
Сугробы, позёмки, морозы, пурга...
Огромная сила в руках у врага!

Испуганный месяц пути не осветит,
Созвездья продрались плотвицами в сети,
Лисица во тьме оступилась в капкан,
Тайга отворилась, как чёрный тюльпан:

Неразорвавшийся снаряд
Засижен птицами в воронке,
Уходит солнце на закат,
Свист пуль размеренный и тонкий.

Одушевлённые полки
Овеществлённого металла
Маршировали у реки...
Река устало остывала.

Дымился лязгающий танк,
Бил миномёт из-под прикрытья,
Очередная из атак –
Апофеоз кровопролитья!

Чем руководствовался Бог,
Когда наутро после драки
Кровь перекрасила песок
И смыла воинские знаки?!

Убиты: гвардии майор,
Сержант, ефрейтор... Я – не ранен?
Душа зашла за окоём,
Мозг тёплой кровью одурманен.

Терзая белые бинты
В каменоломнях медсанбата,
Зима скользнула с высоты
И выбрала себе солдата.

Спасла и вывезла домой,
Укрыв горячею метелью...
Я просыпаюсь... Слышен бой
Часов над скомканной постелью.

Накрапывали жёлуди... Так-так...
На ходики наложена опала.
Луна облокотилась о косяк
И, вырвавшись из сумрачного зала,
Исчезла... Однозвучно дребезжал
Подсвечник, приютившийся на входе...
Казалось, я внезапно удержал
За ручку память о ночном исходе
Луны... Трамвайная скамья
Запорошилась палою листвою.
Я вижу за пределом бытия,
Как женщина, возлюбленная мною,
Среди пространств отъявленной судьбы,
В порывах ветра, шуме листопада
Возницей, развозящею гробы
Во время упоительного глада,
Наложницей на царственной тахте,
Промозглой нищенкой, стоящей у собора,
Моей не подчиняется мечте,
Наивно избегая разговора...
В прокуренном, обшарпанном купе,
В сонете адолюбца Алигьери,
Я отравился мыслью о тебе,
Необратимой нежностью потери.

СТИХИ СЕРГЕЯ ЧЕТВЕРГОВЦЕВА

ПОРУЧИК

Поручик, нынче в никуда
Путь предназначен эшелону,
Льнёт царскосельская звезда
Устами матери к вагону!
Сверкает уличный фонарь,
Оплавленный, как эполета,
Товарный поезд, как глухарь,
Несётся мимо, фиолетов!
Отпета доблестью штыка
Последней осени прохлада,
Дня два – от вашего виска –
До конвоирского приклада!
Я, Четверговцев, говорю:
Пора подламывать запоры,
Как звёздам крылья, глухарю...
Навстречу – литерный и скорый!
Суровы правила игры,
Как ни откалывай коленца,
Милее супа из коры –
Просторный ров белогвардейцам!
С убитых нас татарбола
Сорвёт погони без насмешки...
Кто в жизни ставил на орла,
Навряд ли выиграет с решки!

АКВАРЕЛЬ II

Сугубый месяц на деревне...
Дорога скована ледком,
Чуть пооттаяли деревья,
Кусты, дрожащие ничком,
Не вышли ростом... Инфернальный
Сливает снег в глуши ложбин,
Сугроб сконфуженный, опальный
Не удосужился седин.
Река как следует вспотела
В минуту высшего тепла,
Как баба, дрогнула всем телом
И льдины к морю понесла...

Я вижу странные предметы,
Что проплывают по реке,
Как устаревшие сюжеты
О маяке и рыбаке...
Я помню, осенью с тобою
Мы расставляли невода...
Ты не останешься со мною,
Как быстротечная вода.
Едва коснусь воспоминанья –
Душа от боли дребезжит...
Любовь сильнее расставанья,
О чём природа говорит.

МИЛЛЕ ЙОВОВИЧ
(К Жанне Де Арк)

Осень листвой моросила:
Кончилась наша война!
Я полюбил тебя, Милла,
И преклонил письмена...

В сердце ударивший взгляд
Ласковым был, бронбойным...
Спрятаться в землю до пят –
Значит, считаться покойным.

Твой боевой генерал
Снял, усмехнувшись, осаду –
Глядя, как я укреплял
Стены, бойницы, ограды...

Ангел надежды сиял
Благочестивою вестью:
Город я свой отстоял...
Как догорают предместья!..

Стремнины Чагоды... они
За перекатом в две сажени,
Прогнившей пристани огни
Рисуются воображеньем.

Но не мерещатся леса,
Где в нежных муках заточенья
Забытой родины краса
Ждёт моего прикосновенья.

Откликнись, девушка, постой...
В прохладном утреннем тумане
Старуха, шаркая косой,
Остановилась на поляне...

Я слышу режущие взмахи,
Я вижу плавные круги –
Полоской крови на рубахе
Восход над берегом реки!

На старомодном катерке
Проплыл рыбак, поймавший эхо...
Застыло время на реке.
Тоска веселью не помеха, –

Великий ёрничал поэт...
Теперь язвит в иных предместьях!
Прими восторженный привет
И отрезвляющие вести:

Первопрестольная жена
Забыла, где твоя могила,
До дыр затёрты письма,
До капли высохли чернила!

Армеец, ты именовал
Собаку закадычным другом,
В постели заправляет бал –
Твоей, назначенный супругом!

А та, которую любил,
В глухой состарилась таверне,
Лаская тех, кого снабдил
Господь мошной... Один из первых

Учеников твоих слывёт
Доносчиком... Другой – наложник...
Что видит око – зуб неймёт...
Всё отвратительно и ложно.

Я долго силился понять,
Что впопыхах отображала
Река, толкающая вспять
Чужую лодку от причала.

Дом пуст... Но весело в дому:
Есть печь, кушетка, половики...
Есть вид из окон, и к нему –
Взгляд, что не пристально привык
К однообразию картин
И замиранию времён,
Как идиллически один
Лист свежим ветром унесён!
Нет места счастью на земле!
Рыдай, беспечный человек,
Жизнь коротающий в селе,
Перетирающий свой век
В дремучем граде... Час тому,
Сосед над водкою зачах.
Дом пуст... Но весело в дому!
Пируют мыши битый час.
Остались ружья и седло,
Бидон, где киснет молоко...
Соседу, впрочем, повезло
Уйти бездарно и легко.
Пусть Бог обмолвится о нём!
Вернётся сын и погостит,
Что нереально... сын-старпом
Моря, как поле, бороздит.

И если нам обещан рай,
В котором пьяница-сосед
Свой недоделанный сарай
Мостит и щурится на свет —
Привет ему передаю
И поручительский наказ...
Рай пуст... Но весело в раю,
Где ни соседа нет... ни нас.

Я разучился понимать
Птиц невесомых предсказанья,
Забыл, как выглядела мать,
Забыл про знаки препинанья.

В миру не узнанный никем,
Я, натываясь на терновник,
Прокрался в белый Вифлеем,
Как в спальню яростный любовник.

Большой Медведицы ковшом
Я зачерпнул уединенье,
Не понимая, что почём,
Изъял у Бога вдохновенье.

Я жил, бесчинствуя... Но, чтя
Его негласную поруку,
Как неотступное дитя,
Алкал заботливую руку.

На безобразных кораблях
Я опоясал океаны,
Зализывая второпях
Души несохнувшие раны.

Как серп, уставший от страды,
Как лес на склоне увяданья,
Я воплотил свои мечты
В неисчислимыя страданья.

Луг обесплужен... В полумгле –
Как рукомойники – скворешни...
Хрестоматийные олешни...
Гербарий листьев на стекле.
Над помертвением пруда –
Гербарий листьев. Планетарий:
Комета, южная звезда,
Луна раскосая... Гербарий
Листьев. Юный снег
Подёрнул пастбища, кладбище...
Гербарий листьев человек
Принёс в холодное жилище.
Расположившись у стола,
Он ворошил пасьянс извечный,
Пока докучливая мгла
Не погасила в доме свечи.

Неотвратимость пустоты
Я восприму без сожаленья,
Где обнажаются мечты,
Преображаются стремленья.

Опасным умыслам души
Внимает небо, пламенея,
Как сгинут ласточки, стрижи –
Пустоты новые созреют.

Всё, исчезающее с глаз,
Нам доставляет боль и муку,
Предвосхищает всякий раз
Душа – малейшую разлуку.

И непосильно, и грешно –
За чередой пропаданий
Душа, взглянувшая в окно,
Забудет образы желаний.

Так, словно падшая звезда,
Молниеносная, как битва,
Не помогает никогда
Произнесённая молитва.

Как будто древний Пер-Рамсес,
Я переехал...
Среди обыденных чудес –
Ночное эхо,
Клондайк росы
Да безнадежный
Свет, угасание осы
В пространстве меж
Оконных рам...
И храм господень
Распахнут северным ветрам,
Как лес в исподнем.

Не будь я женщиной рождён
В кровавых муках,
Я стал бы полем и дождём,
Речной излучкой,
Голодной сукой в конуре,
Скулящей тупо,
Задрезавшим на заре
Крылатым трупом
Осы, что вроде ожила,
Засуетилась...
Мне нужно столько же тепла,
Чтоб жизнь продлилась.

Равноправие двух берегов –
На сто вёрст не найти переправ...
Ныне, присно, во веки веков
Я вернусь вдохновением трав,

Отпечатком весенней грозы,
Опечаткой в библейской строке,
Кукурузным початком, лозы
Тонким прутиком в детской руке...

Я стучался в глухую полночь,
В приоткрытую Господом дверь,
Не сумев до конца растолочь
Перелётные листья потерь.

Я держался, как Нильс в облаках,
За гусиную шею судьбы,
А земля утопала в цветах,
И в цветах утопали гробы.

Мне весёлая стерва – Адель
Подарила на память букет...
С той поры застигает метель
Белый свет, белый свет... белый свет.

С той поры я живу внедогляд,
Пью наотмашь, дышу наобум...
Боль и горе, что в сердце царят,
Лишь на ощупь приходят на ум.

СОДЕРЖАНИЕ

Водопроводная вода.....	3
Ты увлекла меня во мрак.....	4
Здесь всё по-чужому.....	5
Стихи Сергея Четверговцева. Синематограф.....	6
Земля в шевиотовом платье.....	8
Выезжает месяц на кривой кобыле.....	9
Лес уселся реке на закукры.....	10
Возвращается дойное стадо.....	11
Звенит колокольчик: зина-зет-дин.....	12
Осень лишь в сентябре золотая.....	13
Сочувствует небо.....	14
На край могильного холма.....	15
С неизбежной судьбой.....	16
Скорбные песни.....	17
Осень... осенью, разве что, поздней.....	18
Холодный дождь стучит по крыше.....	20
Надежда ходит последним дождём.....	23
Говорю отцу родному.....	24
Едва любви обетованной.....	25
Как только под осень – оранжевый тон.....	26
Пробка.....	27
Я ненавижу адский труд.....	29
Раменьё.....	31
Мы не задумывались, но.....	33
Я вижу сон: где тысячи огней.....	34
Скоропостижно, одичало.....	36
Вы были опасно красивы.....	37
Смерть помнит всё.....	38
Как ты ушла, бездарно трачу.....	39
Я под присмотром журавлей.....	40
Светло на прибранном погосте.....	41
Моя земля качнулась на восток.....	42
Ночами мерещится чаще.....	43
Горят испарины огней.....	44
В праздном Египте.....	45

Морозным земным первопутком	46
Над старорусскою рекой.....	47
Обжито небо до горьких слёз.....	48
Легко тебе – на улице весна	49
Опустошение окрест.....	50
Закончится вечером век.....	52
В изнеможении поля.....	53
Атолл стоял аятоллою.....	54
Акварель	55
Знаю – завтра...Точнее, сегодня	56
И не за что тебя благодарить.....	57
Дороги... опустелые сараи.....	58
Отпылило лето, отпылала осень.....	59
Мой Бог покинул здешний мир	60
Время осени, бремя надежд	61
Остров	62
Необыкновенною улиткой.....	63
Бог непосильными трудами	64
Сцепки звёзд, вагонетки богов.....	65
Сгорали птиц, на закат.....	66
Не умереть бы киоскёром	67
Дождь осыпается на землю.....	68
Вернулась осень с отвращеньем.....	70
Тихий, рассеянный дождь	71
Коломазь осени... Стойбища птиц.....	72
Предрасположенность природы	73
Шумный берег, похожий на взморье	74
Октябрь – тысячелистник.....	75
Как и жил, не знаю сам.....	76
И ночь пришла. И стало страшно.....	77
Обозы звёзд мерещатся реке.....	78
Мой грешный путь скользит по краю	79
Не надо помнить судный день	80
Звёздная рыбалка III	81
Исход земных привычных звёзд.....	82
Полине	83
Походкой смачною судачьей	84
За горизонтами событий.....	86

Молитва	87
Стихи Сергея Четверговцева	88
Четверговцев, зайдите	90
Пир	92
Стало скучно и нудно рыбачить	94
Качается листва над вспаханной землёй	95
Казалась долгой, непрестанной	96
Стихи Сергея Четверговцева	97
Стихи Сергея Четверговцева. Лист	98
Акварель	99
В глубины глухих поселений	100
Я родился в шесть утра	101
В беспросветных туманах	102
Я высмотрел ослепшими глазами	103
Меня осталась ровно половина	104
Опасно думать, что снега	105
Сегодня сход луны внезапен	106
Встрепенувшись, кулик отпевает зарю	107
Акварель I	108
У фотосессии Насти Волочковой	109
Я – властелин чужого ада	110
Листвою тёмной, неудобной	111
В стране полей несухопутных	112
Кипарисую по пляжу	113
Один шикарный грибной сезон	114
Интернациональная проблема	115
Паденье листьев (Не из Мильвуа)	116
Неандертальцам русского концептуализма	117
За перекатом Тибра	118
Ни Верхоянск... Ни Оймякон	119
Чем ближе к зиме, тем прозрачней вода	121
Стихи Сергея Четверговцева	122
Я – третий в десятом ряду	123
Ночь пришла, между прочим	125
Площадной, проспектный	126
Краеведческий сон	127
Наш теплоходик по Волге	128
Не позабудь... Угаснет белый день	130

Стансы	131
Душа, останься, вопреки	132
Сатанеет паводок... степь горит	133
Антоний	134
Друг Четверговцеву, безумец Одиссей	135
Реквием	137
О, ночь – невежество души	138
Стихи Сергея Четверговцева	139
Мария	140
Поэма Родины на выселках дождя	141
Сергею Самойленко	142
Ночь обещала стать туманной	144
Не пригубит плакучая ива	145
Дождь, как укор односельчанам	146
My village is настырный gain	147
Могила, позабытая цветами	149
Ольха, словно солод	150
Слепая ненависть прошла	151
На берегу речушки быстрой	153
На склоне вод усталость рек	154
Молниеносные обиды	156
Бог?!	157
Чолпан	158
Октябрь бывает пустынным	159
Пусть будет всё, как всё не будет	161
Таят в себе всю смерть реки	162
Трава шумит, заметно погрузнев	163
Ночное виденье	165
Последний обморок земли	167
Ренессанс 19-20	168
В небесных сумерках мечты	170
Актёр. Геннадии Жукову	171
Элегия	173
Зима приходит из-за туч	174
Не обещаю, что вчера	175
Приподнялась звезда на цыпочки	177
Спуск виделся уютною тропой	178
Сегодня ветер был пьянющ	180

Молоком ветвей бузины	181
Афганистан	183
Накрапывали жёлуди	185
Стихи Сергея Четвергова. Поручик	186
Акварель II	187
Милле Йовович (К Жанне Де Арк)	188
Стремнины Чагоды... они	189
Дом пуст... Но весело в дому	191
Я разучился понимать.....	193
Луг обеспужен... В полумгле.....	194
Неотвратимость пустоты.....	195
Как будто древний Пер-Рамсес.....	196
Равноправие двух берегов	197

Пахомов Сергей
По обе стороны дороги
Книга вторая
НА СКЛОНЕ ВОД

Литературный редактор и корректор Нина Писарчик